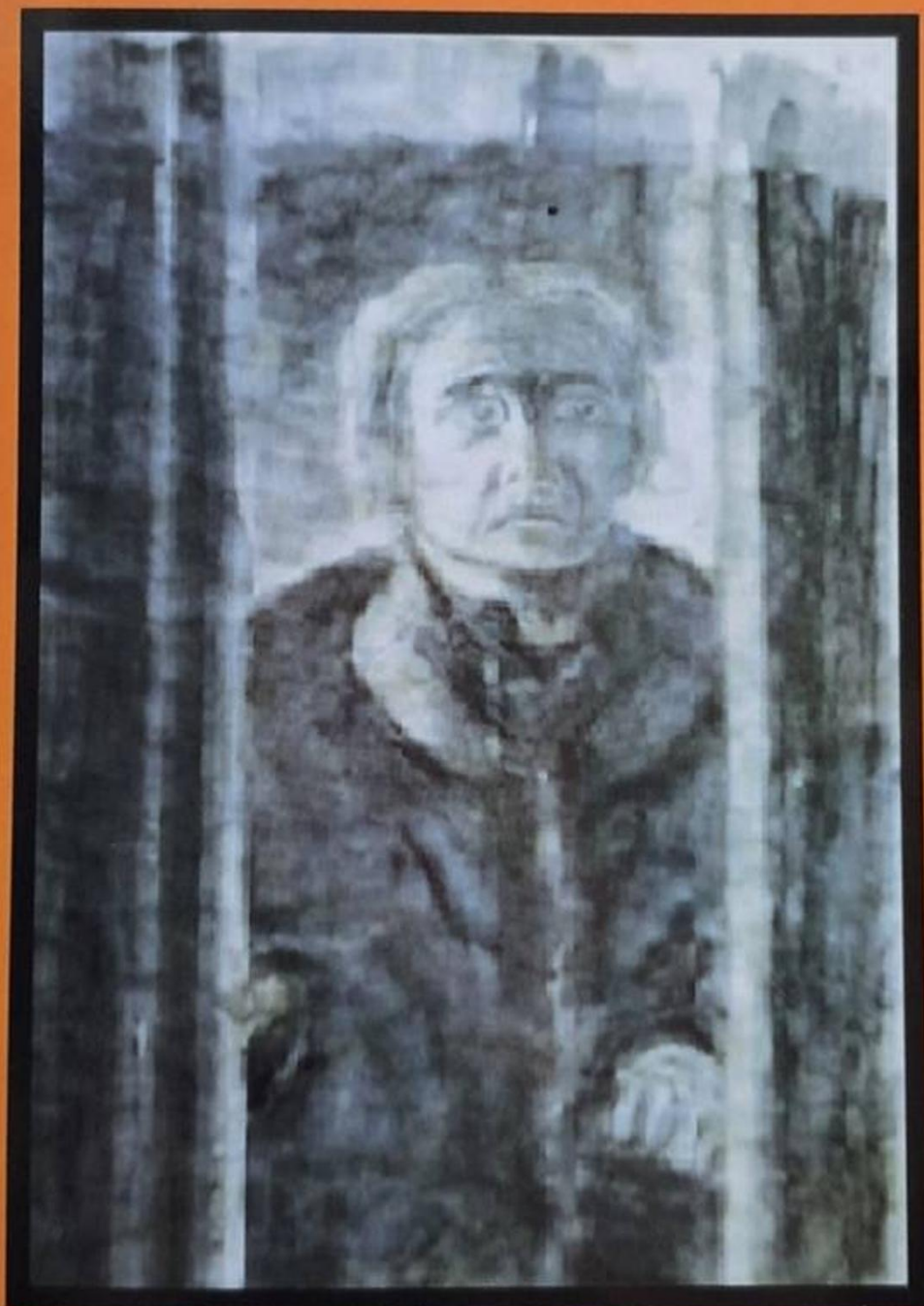

В.А. Орлов фон Корф

**Характеры
и
судьбы**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

12+

Валерий Орлов фон Корф

Характеры и судьбы

«Автор»

2026

Орлов фон Корф В.

Характеры и судьбы / В. Орлов фон Корф — «Автор», 2026

Судьба России тесно переплетается в этой книге с характерами и судьбами ее героев, психологический настрой автора и литературного героя тесно связаны: мать спасает своего сына, но сама погибает - кажется, распространенный сюжет в литературе, он же повторяется в советское время. Читайте эту книгу и вы увидите этих героев вокруг вас.

© Орлов фон Корф В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Велосипед	5
Глава 1	18
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерий Орлов фон Корф

Характеры и судьбы

Велосипед

Санька пришел домой уставший и злой. Ночная смена, на которой он отработал семь часов, вымотала его. Три дня в неделю не спать, а работать! И все ночью! И это в восемнадцать лет; когда хочется к друзьям и подругам, когда танцы в парке, а потом провожание любимой, робкие поцелуи, какие-то глупые признания о чем-то несбыточном, как это кружит молодую голову! А во всем виноват – велосипед! Мечта детства, сейчас может стать явью! Надо только продержаться всего один год на этой проклятой работе. Всего один год! И у него появится свой собственный спортивный велосипед, не какой-то там «дорожный вездеход» с толстыми колесами и прямым рулем, а он будет держаться за изогнутый руль, тонкие колеса будут шелестеть под ним. Сам Санька будет похож на птицу, которая разбегается и взмывает в небо! Да, это все только будет и не скоро!

Дома никого не было. Мать ушла на свой завод еще в семь утра, а младший брат, третьеклассник, видимо, только что убежал с приятелем-соседом в школу. Отлив из большой кастрюли в миску супа, Санька пошел на кухню, чтобы разогреть свой обычный завтрак. Дом, где он жил, был построен еще в тридцатые годы; это было трехэтажное сооружение барачного типа, толстые стены из красного кирпича обещали этому сооружению долгую жизнь. Война пронеслась над ним быстрым вихрем, оставила на стенах шрамы, а вот разрушить этого «крепыша» не смогла. Внутри тоже все было прочно, монументально и просто. Квартира представляла длинный широкий коридор, на который были нанизаны комнаты, десять с одной стороны и столько же с другой. Завод, строивший такие дома-общежития, не очень беспокоился об удобствах для жителей, главное было поместить туда как можно больше рабочих. Справа от входа в квартиру находилась кухня с газовыми плитами и умывальниками, рядом примостилась небольшая комната-туалет. Чем думали архитекторы, можно только догадываться, но каждое утро и вечер перед одним унитазом собиралось столько народа, что футбольные очереди могли только позавидовать такому количеству людей. Чаще всего умывались и справляли нужду жители комнат у себя за занавеской в ведро, а потом содержимое относили в туалет.

На кухне вдоль стен были устроены узкие столы с отметками для каждой комнаты. На них раньше устанавливали керогазы и примусы разных калибров. Санька еще помнит эти чадающие устройства, которые шумели и выли на разные голоса. Около каждой кипящей кастрюли стояла хозяйка и внимательно наблюдала за соседкой, что та готовит. И не дай бог, отойти от своего места, недоброжелатели могли свободно подбросить в кастрюлю не только какую-нибудь тряпку, но и дохлую мышь. Эти серые зверьки чувствовали себя в квартире вольготно, их, правда, вылавливали мышеловками, но на место каждой погибшей твари приходили другие.

Санька, не торопясь, подогрел завтрак, поиграл с толстым, ленивым котом, хозяйка которого полуслепая старуха растирала ложкой в миске какое-то варево. Разговаривать с ней не имело смысла, так как она давно была абсолютно глухая, но за этой бабкой надо обязательно наблюдать – она могла забыться, перепутать кастрюлю, снять соседскую с плиты и унести к себе в комнату или раз десять посолить еду. Бабка была не злая, но действия ее были не предсказуемые, как у всех выживших из ума старух.

У себя в комнате Санька удобно устроился за небольшим столиком, отрезал толстый ломоть серого хлеба, круто его посолил, полил сверху подсолнечным маслом, вычистил две дольки чеснока и принялся хлебать горячий суп. Злость, принесенная с работы, куда-то улетучилась. Он ел медленно, с наслаждением, выковыривал ложкой маленькие куски мяса. В полу-

открытую дверь он увидел колесо висящего на стене соседского велосипеда. Какая-то досада кольнула душу Саньки.

«Надо же, у этого парня все есть: и велосипед, и проигрыватель, и модная куртка, а ему приходится горбатиться на заводе, чтобы получить свою мечту – велосипед!»

От мрачных мыслей его отвлек появившийся в проеме дверей соседский кот, неопределенной породы, шкура его была сверху - белая с серыми полосам, а снизу – чисто серая. Соседка всем доказывала, что такие коты были завезены из Германии и что их специально держали только в королевских палатах, так как они отлично ловили мышей и крыс. Этот же кот, ни одной мыши не сумел, а может и не хотел поймать! Только и знал, что ходить по соседским комнатам и кланяться вкусные куски: зайдет в открытую дверь, сядет около стола, умильно глядит на хозяина и тихо просит на своем кошачьем языке. Санька никогда не отказывал этому попрошайке. Вот и сейчас, нашел в тарелке маленький кусочек мяса, двумя пальцами осторожно вытащил его и бросил коту. Тот, как собака, на лету поймал подачку, сразу проглотил, и снова принялся просить, желая получить добавки. Санька хотел его снова угостить, но, увы, в тарелке мясных деликатесов больше не нашлось. Заглянула в комнату и соседская кошка Мурка - тощая, серая с большим животом. Переговорив с котом на своем языке, она не заходя, исчезла в темном коридоре. Видимо, он ее предупредил, что поживиться здесь нечем. Эта кошка была «головной болью» соседки, так как она исправно приносила два раза в год по три котенка, и та всегда мучилась с этим приплодом: выкидывать было жалко, а оставлять себе – не возможно! В этой квартире, почти в каждой комнате обитали эти хвостатые попрошайки. И почему-то они всегда мирно жили с мышами.

Санька, забыв о кошках, снова вернулся к мыслям о соседском велосипеде. Напротив жил его детский приятель Генка, с которым они раньше играли все дни, а сейчас он, заканчивал учебу в техникуме, и свободного времени у него почти не было. Да, и Санька тоже не мог похвастаться, что он – свободный человек: работа на заводе, учеба в вечерней школе, спорт – забирали все двадцать четыре часа. Вот раньше, лет шесть назад, они были свободными от всех дел; он вспомнил, как на самодельном самокате громыхал с утра до вечера около своего дома. Самокат этот сделал соседний парнишка, вместо колес у него были закреплены большие подшипники, которые принес отец с завода. Потом у приятеля появился настоящий самокат с резиновыми колесами; вот Санька и получил «по дружбе» этот грохочущий агрегат. На нем можно было ездить только по асфальту, а если чистить подшипники и смазывать их маслом, то самокат по скорости не уступал и настоящему. Правда, у Генки, уже с третьего класса в коридоре стоял настоящий самокат заводского производства. Еще бы, он был у матери один, и та за ним ухаживала, как за любимым чадом, и не кричала ему в лицо, что он «навязался на ее голову». А как она его кормила! Санька вспомнил, как его несколько раз приглашали обедать к Генке. На столе он увидел такие блюда, какие ему приходилось видеть только в книгах на картинках: пирожки, пирожные, разные винегреты. А, котлеты – один запах от них сводил с ума! Да, это не этот пустой суп, где плавают макароны, а вместо мяса какие-то жилистые кусочки.

Генка тоже рос без отца, тот был шофером и погиб в какой-то катастрофе, его портрет висел на стене в темной рамке над кроватью матери. Генкина мать окончила институт и работала инженером на заводе, их даже поставили на очередь по улучшению жилья. Санькина мать приехала из деревни, образование – семь классов, профессии - нет! Вот она и работает уборщицей в цеху! А про отца, Саньке и говорить было стыдно, приходили какие-то мужики к матери, пили водку, его выгоняли на кухню. В детстве, когда он интересовался о своем родителе, мать только криво усмехалась и говорила: «Нам одним неплохо живется! Незачем дармоедов на шею сажать!»

В четвертом классе Генке купили велосипед, подростковый, и, конечно, он давал кататься Саньке! Где только они не ездили на нем! Дворы всего района были ими изучены. Они знали

все входы и выходы всякого укромного места. Но однажды Генка оставил велосипед у магазина, отлучился за покупками, а когда вышел, велосипеда уже не было! Наступили скучные дни для приятелей! Правда, каждое лето мать отправляла Саньку в пионерский лагерь, где за каждым отрядом был закреплен велосипед. Кататься разрешали только по стадиону; желающих было предостаточно; после завтрака ребята устремлялись в сторону стадиона, первый добежавший получал от физрука железного коня, на котором по лагерной договоренности, мог проехать пять кругов вокруг футбольного поля. Какое было наслаждение представлять себя гонщиком и нарезать тяжелые километры по песчаной дорожке. В день Саньке удавалось накрутить до пяти километров, потом долго болела спина, руки и особенно мышцы ног. Зато, какую он чувствовал свободу, кем себя только не представлял, сидя на велосипеде, и летчиком, и шофером, и танкистом.

Про все это Санька мечтательно вспоминал, доедая свой холодный суп, пережевывая невкусные макароны, рассматривая в проеме двери соседский велосипед, сиротливо висящий на стене. Да, у него он бы не скучал в коридоре, у велосипеда не нашлось бы и свободной минуты для отдыха! Генке мать купила «взрослый» велосипед, который больше пылится в помещении, чем ездит по дорогам. Просить у соседа покататься, вроде бы, неприято. Давно выросли из детского возраста, где часто понятия «твое – мое» путались в детской непосредственности.

Года два назад, Санька и Генка ходили на стадион, записываться в велосипедную секцию, тренер тщательно отбирал из большого числа желающих будущих спортсменов. Генку взял сразу: у того была высокая спортивная фигура, а Саньку – забраковал, ему не понравились его кривые тощие ноги! А разве Санька виноват, что в детстве был рахитичным ребенком! Правда, он посоветовал ему заниматься легкой атлетикой, бегать на короткие дистанции. Санька так и сделал; стал спортсменом-бегуном. За это время достиг не плохих результатов – второй взрослый разряд на сто и четыреста метров! Пытался бегать и на длинные дистанции, но не хватало дыхания, не было природного здоровья! А велосипед был всегда его мечтой!

Обед был съеден, холодный чай выпит. Санька вымыл посуду и завалился спать. Ни шум, доносившийся с улицы, ни крики малышей в коридоре не мешали ему отдыхать. Разбудил его младший брат, который привел своего приятеля и стал с ним громко спорить о какой-то книге. Он хотел сначала их выгнать в коридор, но, посмотрев на часы, с удивлением увидел, что проспал шесть часов; пора самому вставать и подготовиться к школьным занятиям. Четыре раза в неделю он посещал вечернюю школу, где ему нравилась сама атмосфера учебного процесса. Там рабочие собирались в свой особый кружок, чтобы восполнить недостающее или потерянное время, догнать свои юношеские мечты и попробовать изменить в лучшую сторону свою жизнь. Учителя тоже по-своему относились к этой взрослой аудитории. К молодым, как Санька, они были требовательны и даже немного суровы, к старшим – снисходительны. Они хорошо понимали, что «старичкам» эти аттестаты о среднем образовании нужны только для того, чтобы как-то утвердиться в семье или на своем производстве.

Преподавали учителя по-разному: молодые учителя старались изо всех сил донести все свои знания до уставших и отупевших от тяжелой работы учеников, старые учителя, напротив, просто не замечали своих подопечных и вели не уроки, а душевные беседы о жизни, о своих и чужих слабостях. Про свой предмет, в лучшем случае, говорили скороговоркой – незаметно и не обязательно. Саньке, почему-то, именно в вечерней школе стала нравиться математика: может из-за молодой учительницы, хотелось ей понравиться, а скорее всего в нем заговорили какие-то природные инстинкты, которые появляются почти в каждом человеке. Одни, из молчунов, вдруг превращаются в любителей поговорить, поспорить, их обрывают, а они, может быть, могли бы стать прирожденными ораторами, политиками, которые могут вести за собой массы. Другие, никогда не рисовали, а у них вдруг появляется дикая страсть к искусству. Таких примеров в жизни много, а у Саньки вдруг проявилось желание изучить всю математику, удив-

лять всех умением быстро решать сложные задачи. Зато на уроках химии ему часто приходилось краснеть, стоя у доски мямлить какую-то чепуху и вызывать смех своими ответами.

После окончания восьмого класса, он и Генка решили сдавать экзамены в технологический техникум, но в последний момент Санька испугался, в его аттестате были почти одни тройки. Генка, который всегда хорошо учился, обещал помочь на экзаменах. Но страх взял свое, и он по совету матери решил сначала приобрести хорошую специальность. Мать, которая работала на заводе, дала сыну дельный совет, что лучше специальности электрика ему не найти. Электрики нужны везде и на заводах, и в колхозах. При заводе есть техническое училище, где за год-два можно получить такую специальность. Мать также говорила, что если он захочет учиться дальше, может окончить вечернюю школу, а потом пусть учится в любом институте. Санька так и сделал, сначала получил специальность электрика и продолжил учебу в вечерней школе. Ему осталось еще год там проучиться, а дальше с аттестатом о «среднем образовании» можно смело шагать по жизни. Правда, впереди его ждала еще Армия, но и там он твердо знал, где будет служить – в танковых частях.

Еще с детства Саньке нравились книжки про танкистов, он с большим интересом просматривал телевизионный сериал «Трое танкистов и собака». Как и все дети, он хотел иметь собственную собаку, непременно – овчарку. Просил об этом мать, но та только посмеялась: «Нам самим не хватает места в комнате, вы даже спите, как солдаты в казарме на двухэтажной кровати, а собаку, куда поместите на потолке?!»

Конечно, она была права! У одного его знакомого жила собака, породы мопсов; каждый год она приносила четырех щенков, и Санька решил упросить мать купить это маленькое создание. Мать, почти согласилась, но узнав, сколько стоит эта «моська», сразу решительно отказалась. Так, «собачий вопрос» больше никогда не возникал в этой семье.

На работу Санька устроился на ТЭЦ (тепло-электро-центральный); что оно производило – он и сам толком не знал! Приняли его в электро-приборный отдел, где было шесть рабочих и один мастер. Работа была интересная: Санька возился с приборами, которые устанавливал и регулировал в тепловых цехах, где было несколько печей, огромных баков и большая кирпичная труба, высившаяся над всем этим участком. Все эти системы были переплетены электрическими и приборными проводами, разного рода датчики показывали температуру на участках этой сети.

ТЭЦ построили еще в тридцатых годах. Это было старое сооружение, но работало оно исправно и не требовало большой перестроечной работы. Так, инженеры кое-что добавляют или урежут, прибавят с десятков новых приборов и система продолжает трудиться. А хозяйство у ТЭЦ было огромное: ежедневно по железнодорожным путям приходили составы с торфом, их разгружали, топливо сушили, при помощи электрических вагонеток поднимали его на большую высоту и оттуда сбрасывали сверху в две огромные печи, которые нагревали воду в больших баках, и та шла на промышленные нужды.

Санька изучил множество всяких приборов, ему доставляло большое удовольствие собирать электрические схемы и проверять их работоспособность. Мастер – мужчина сорока лет, полный с тяжелой отдышкой, часто гладил его толстой ладонью по голове и говорил, что из него выйдет толковый рабочий.

Работа же по обслуживанию этих приборов в цехах, ему не очень нравилась: тащить на своих плечах огромную собранную схему из нескольких приборов куда-то наверх на трубу или на печь, где пыль полуметровым слоем закрывала пол и стены – занятие не приятное! Еще он не любил прокладывать в колодцах новые сети; его как молодого посылали с кабелем пролезать в узкие, глубокие шахты и тянуть нескончаемый провод через грязь к выходу. Надо сказать, что такая работа была довольно редкая, но воспоминание о ней долго травмило его душу. Иное дело в мастерской, в чистом, уютном помещении сидишь за каким-нибудь прибором и налаживаешь его работу. Еще он завидовал работе мастера в черном аккуратном хала-

тике ходит по лаборатории и заводит разговоры с каждым о его работе, домашних делах или пойдет выяснять непонятные ему вопросы к начальству и не появляется почти весь рабочий день. А то скроется за перегородкой и что-то пишет, решает. Санька, однажды, как бы случайно, при нем, заглянул в его тетрадь и увидел, что тот решает какую-то задачку. Одна из формул была неправильно написана, он указал мастеру на ошибку. Тот удивился, проверил по учебнику и исправил ошибку. Потом мастер предложил Саньке решить пару несложных задач, что тот легко выполнил. С этого дня авторитет его среди рабочих поднялся на невиданную высоту, если раньше каждый мог на него накричать или грубо посмеяться, то теперь к нему стали относиться с каким-то тайным уважением. Объяснялось все очень просто, его товарищи по работе почти все учились или в техникумах, или на первых курсах институтов, с математикой были не в очень дружных отношениях, а Санька несложные задачи для их контрольных работ мог легко решить.

Однажды, перед майскими праздниками, на предприятии устроили генеральную уборку всех производственных помещений. Саньке предложили почистить пристройку к мастерской, сплошь заваленную какими-то транспарантами, сломанными приборами, мотками кабеля и ящиками. Каково же было его удивление, когда под всем этим хламом, он увидел велосипед! Это был не простой «дорожный» велосипед, а настоящий «спортивный» с изящно изогнутым рулем и тонкими колесами. Парень с восхищением рассматривал эту «VELO-птицу», такую красивую вещь он никогда в руках не держал! Правда, велосипед был несколько ободран: переднее колесо, закрученное в немыслимую фигуру, пугало ценителя красивых вещей, заднее колесо, тоже помятое, еще напоминало круг. Рама была цела, но краска на ней висела кусками, цепь, покрытая слоем ржавчины, закрутилась в непонятный комок, зато, тормоза и переключатели скоростей, находились почти в идеальном состоянии. Обтерев тряпкой найденное чудо, Санька притащил его в лабораторию, показал мастеру и спросил: «Кто хозяин этого велосипеда?» Мастер, удивленно посмотрел на этот кусок «металлолома», немного подумал, и ответил: «Да, он ничей! Лет десять назад, здесь работал парнишка, он жил далеко и ему приходилось на работу приезжать на велосипеде, так было для него удобней добираться. Однажды он устанавливал прибор на «трубе», сорвался и сломал себе руку и ногу. Его отвезли в больницу. Месяца через два он появился у нас и хотел забрать свой велосипед, но начальство на проходной за это время сменилось, и новый охранник стал требовать разрешение на вынос государственного имущества с территории завода. Такой документ ему давать отказались, потому что не знали происхождения этого велосипеда. Произошла запутанная история: я говорил, что велосипед этого рабочего, а новый профсоюзный деятель требовал предъявить разрешение на въезд. Одним словом, пока разбирались, кто кому, что должен предъявить, парня забрали в Армию. Вот уже лет десять этот велосипед ржавеет в сарае. Если сумеешь вынести с территории завода – велосипед твой!»

Санька, окрыленный мечтой о собственном велосипеде, вычистил, отремонтировал, отрегулировал все части, кроме переднего колеса, которое, к сожалению, надо было заменить новым. Осталось ему достать нужный документ и вынести велосипед через проходную. Он обратился к мастеру за помощью. Мастер долго смотрел на Саньку и о чем-то размышлял, а потом говорит: «Знаешь, приятель, мне тебе очень хочется помочь, но ты просишь, практически о не возможном, мне придется долго уговаривать начальника охраны переступить через закон и пропустить через проходную, не оформленную вещь. А он дорожит своим рабочим местом! Вдруг кто-нибудь доложит начальству о таком злоупотреблении?! Или самому бегать по всем начальникам и просить тебе помочь с выносом велосипеда? А это, Санька, такое мутное дело! Я лучше еще подумаю и к концу рабочего дня дам тебе окончательный ответ».

Все оставшееся время до конца смены, Санька возился с велосипедом: чистил его детали, смазывал цепь и втулки, выполнил нужную регулировку передачи скоростей и тормозов. Снял переднее сломанное колесо, не желая видеть уродство своего «железного коня». Ровно за пять

минут до окончания работы, мастер подозвал Саньку и сказал: «Я тебе смогу помочь, но и ты постарайся войти в мое положение начальника! Ты знаешь, что на нашем производстве всегда не хватает подсобной рабочей силы для разгрузки вагонов с торфом, чистки путей для вагонов в зимнее время, поездки в колхоз на уборку картофеля. Мне приходится с большим трудом уговаривать своих подчиненных выйти на эту тяжелую работу. Сколько мне надо приложить терпения, силы, истратить много нервов для этого! Вот я тебе и предлагаю – ты в течение года будешь ходить по вызову на все эти работы, а я тебе «правдами и не правдами» вынесу за проходную велосипед! Если хочешь, то подумай до завтра! И насчет переднего колеса я смогу помочь, у меня один приятель работает завхозом на стадионе».

Санька и думать не хотел, он готов был продать свою душу, лишь бы получить долгожданный подарок! А то, что его ждали тяжелые дни, он узнал уже через месяц. Однажды утром мастера вызвали к начальству, вскоре он вернулся, подозвал Саньку и сказал: «Вот и начались твои неприятные деньки! Рабочих нет для разгрузки торфа в ночную смену, так что, иди домой отсыпайся, а к одиннадцати вечера придеешь к мастеру по разгрузке торфа. Он направит тебя на работу в их бригаду. Работать тебе придется, целую неделю».

Без десяти одиннадцать вечера Санька был на заводской проходной, там он узнал местоположение заготовительного цеха. Этот цех, представлял собой ряд больших деревянных сараев, в которые по рельсам въезжали вагоны с торфом. Около этих сараев расположилась кирпичная небольшая будка. Дверь в помещение была полуоткрыта, оттуда слышались громкие голоса; кто-то кому-то доказывал преимущество Вермута 3-семерки перед простым вермутом. Санька немного постоял у двери, а потом нерешительно вошел. Компания, состоящая из 8-10 человек, была занята своими разговорами и на вошедшего не обратила никакого внимания. Санька устроился у прохода и стал изучать этих людей. Все они, кроме маленькой полной женщины, сидящей у стола и что-то торопливо пишущей в большой тетради, представляли одну общую серую массу, которая копошилась в своих внутренних проблемах, не замечая окружающий мир. Одеты все были почти одинаково: одежда, место которой только на помойке, прикрывала их худые тела; лица у всех тоже одинаковые, серые, опухшие от частого употребления спиртного, у некоторых украшены синяками. Саньке сразу вспомнился спектакль в театре, куда их водила несколько лет назад молодая учительница литературы. Постановка называлась «На дне», по произведению М. Горького. Там тоже такие же типы были собраны в небольшой комнате и также доказывали друг другу свои истины.

Наконец, женщина у стола закончила свою писанину, внимательно осмотрела всех присутствующих и громко произнесла: «Все собрались! У нас один новенький из «электриков», будет работать с нами десять дней». И, обращаясь к высокому мужику с синяком под глазом, сказала: «Ты, Василий, присмотри за парнишкой, научи нашему ремеслу. Ты же самый опытный рабочий!» Тот подошел к Саньке, дружески похлопал его по плечу, и, обращаясь куда-то в сторону, произнес: «Главное, парень, не суетись. Вперед меня – не лезь! Делай, что делаю я! Тогда – останешься живой и здоровый». Санька с недоверием на него посмотрел, но решил послушаться начальника – женщину и держаться ближе к своему новому учителю. Поговорив еще пять минут о текущей работе, женщина повела свою бригаду к сараям. Внутри них на рельсах уже стояли два первых вагона из длинного состава, который уходил куда-то за территорию завода.

«Интересно, и как мы за семь часов сумеем разгрузить такую махину?!» – с удивлением подумал Санька.

Все оказалось довольно просто: пять человек подошли к первому вагону, а остальные – ко второму. Санька оказался во второй части бригады. Двое рабочих подлезли под вагон, дернули за рычаги и днище распахнулось. Торф под собственным весом провалился вниз, через рельсы, в какую-то яму, где на дне гудела транспортерная лента. Она перетаскивала это топливо в сушильные камеры. Его учитель стукнул Саньку по плечу, сунул в руки лопату с веревкой на

конце черенка и сказал: «Теперь наша работа! Полезли в вагон! Надень на голову капрон, а то задохнешься!» Он показал, как надевается капроновый чулок, и они полезли наверх вагона, у которого не было крыши. Этот вагон был похож на пустотелый ящик с убирающимся дном. При ярком свете верхних ламп Санька увидел, что торф провалился не весь, а только его центральная часть, с боков он налип на железные стены вагона. Его учитель, устроившись на верхней части стены вагона, стал лопатой сбивать торф. Тот в некоторых местах сразу обрывался вниз, а в других приходилось спускаться вовнутрь вагона и тщательно зачищать его стены.

Санька повторял все действия своего напарника. Один раз он чуть было не выпустил лопату в торфяную массу, но во время ее удержал. Он накрутил предохранительную веревку на руку, чтобы она удерживала лопату. Теперь ему нечего было беспокоиться о ней. Сверху сбивать торф еще было не трудно, но внутри вагона, где ничего не было видно из-за пыли, нужна была опытность и сноровка. Первый вагон вычистили довольно быстро. Поезд продвинул состав вперед; а в новом вагоне их бригаду ждала неприятность – большая коряга застряла внизу и не давала проваливаться торфу. Бригадир приняла решение – подпилить корягу, а потом сверху ее вытащить из вагона. Промучились минут двадцать, наконец, освободили днище и выгрузили торф.

Через четыре часа трудной и грязной работы, сделали получасовой перерыв; некоторые просто легли на дощатый пол и дремали, а Санька с тремя новыми приятелями отправился в столовую на ткацкую фабрику. Какими-то задворками они быстро пришли в небольшое помещение, где стояло несколько столов и железные стулья. В стене был проем, откуда доносилось позвякивание металлической посуды и приглушенные женские голоса. Один из рабочих постукал и крикнул: «Девушки, смена пришла! Накормите, побыстрее!» Из-за перегородки хриплый женский голос ответил: «У нас остались макароны с мясом, салат и чай!» «Давайте все!» - ответили ей. Наскоро пообедав холодной невкусной пищей, рабочие покинули неудобное помещение. Санька пожаловался своему напарнику, что в макаронах вместо мяса он нашел только перерубленные кости. Тот ответил, что здесь всегда так кормят.

В семь часов утра их смена закончилась. Бригадир достала ведомость и по ней каждому, кроме Саньки, выплатила причитающиеся деньги.

«А тебе заплатят на основной работе! Такая договоренность у нашего начальства!» - сказала она ему.

Напарник похлопал Саньку по плечу и предложил угостить пивом; тот согласился. Они устроились за столиком в кафе. Народу было немного. Санька потягивал тягучую янтарную жидкость и внимательно слушал своего учителя по новой работе. Тот довольно интересно рассказывал о своей прошлой жизни. Он после Армии перепробовал почти все рабочие специальности и остановился на этой, которая дает массу преимуществ: на работу выходи, когда у тебя есть желание, деньги платят сразу после смены, рабочий стаж для получения пенсии идет исправно, отпуск себе сам назначай в любое время года. Одно только плохо, что работать приходится по ночам. Ну, это дело привычки! Санька его слушал и во всем с ним соглашался.

Десять дней на разгрузке прошли быстро, и Санька снова вернулся в свою мастерскую. Первым делом он проверил наличие велосипеда, потом усердно тер его металлические детали, смазывал движущиеся части. Мастер над ним посмеивался: «Смотри до дыр не протри, а то, как будешь ездить!?»

Еще два раза Саньке пришлось выходить в ночные смены на разгрузку торфа. В сентябре ему предложили поехать в колхоз на уборку картофеля; со всех ближайших предприятий собрали бригаду из двадцати человек, которым надо было отработать месяц где-то за городом. За чертой города Саньке приходилось быть только в пионерском лагере. Он вспомнил, как их везли на большом автобусе четыре часа по ухабистым дорогам. Только к вечеру полуживых детей доставили в сосновый бор, быстро накормили и уложили спать. Ночью он страшно замерз, одел на себя все, что дала ему мать: две рубашки, свитер, плащ, но холод пробирал

его маленькое тело так, что зубы выбивали настоящую чечетку. А еще ему хотелось пойти в туалет, им сказали перед сном, где находится это заведение, но он слушал не внимательно, поэтому точно не знал, куда надо идти. Промучившись, некоторое время на своей холодной постели, Санька услышал голоса на улице, поэтому пошел на эти спасительные звуки. У дверей двое мальчишек из его отряда спорили, где находится туалет. Потом они пошли куда-то за кусты, Санька последовал за ними. Там он увидел деревянный сарай, внутри горел свет – это и был туалет.

Вспомнив про свои детские мытарства за городом в пионерском лагере, Санька взял побольше теплых вещей, резиновые сапоги и плащ, кое - что из еды. Рюкзак был набит до отказа! Утром отъезжающие собрались у центральной проходной, там женщина-парторг рассказала, что они должны делать в колхозе и пообещала за хорошую работу выплатить премиальные. За такую заботу ей похлопали в ладоши, потом устроились в автобусе и отправились осваивать картофельные поля подшефного колхоза. Ехали долго, сначала по ровному шоссе, Санька даже ухитрился задремать, потом свернули на проселочную дорогу, где выбоины и ямы слились в одно целое, образовав не проходимый путь.

Автобус, не смотря на свою величину и мощь, несколько раз останавливался, шофер пытался как можно аккуратнее преодолеть естественные заграждения. Наконец, после долгих мучений, их доставили на центральную усадьбу колхоза, которая представляла собой две пыльные улицы с двумя десятками домов, клуб - развалюху, после военной постройки, покосившееся здание правления, около которого пристроились кривые лавки и рос чахлый кустарник. Был еще магазин, в котором продавщица могла предложить водку, консервы, макароны, очень дорогие шоколадные конфеты и резиновые сапоги гигантского размера. В углу был навален еще какой-то товар, но его прикрыли рогожей; видимо, он предназначался для «избранных».

Из правления вышел сам директор колхоза с двумя женщинами - бригадирами или звеньевыми. Двадцать минут начальство говорило об их обязанностях и только в конце обмолвились, как и чем их будут кормить и где устроят на ночлег. Десять человек, в основном девушек, оставят в центральной усадьбе; остальных отправят в дальние деревни. Саньку отправили с тремя новыми знакомыми на тракторе с тележкой куда-то за пять километров в забытую богом деревню, которая оказалась прямой копией центральной усадьбы, только в три раза меньше. Да, и магазина с клубом не было. Семь домов по одной стороне улицы и четыре покосившихся строения по другой. В стороне, метров за двести, виднелись длинные сараи, откуда слышалось мычание коров и телят.

«Смотрите, ребята, коровник рядом. Значит, будем с молоком и сливками!» - сказал его приятель.

Приехавшая с ними звеньевая, быстро развела ребят по два человека на постой к колхозникам. Саньке достался большой дом, завалившийся на правую сторону.

«Подгнили венцы!» - определил его приятель.

Звеньевая толкнула кривую дверь, и они вошли в огромное помещение, в центре которого стояла русская печь, а по бокам от нее расположилась железная кровать, две лавки и большой стол. Никаких элементов цивилизации, радио и телевизора, здесь, видимо, никогда не было. Высокая, темная старуха лет восьмидесяти ковырялась у печи с чугунками, около ее ног играл пестрыми тряпками младенец, который довольно отчетливо произносил крамольные фразы: «Мамка – блядь, бабка – сука!» Санька, от услышанного, застыл на месте с открытым ртом.

«Марья, заткни глотку своему охальнику, а то перед людьми стыдно! Я тебе привела двух постояльцев, продукты для них привезет Семен - шофер. Так что, корми их хорошо, а то им работать много придется!» - Потом звеньевая обратилась к ребятам – «Я живу в соседнем доме, если будут вопросы, приходите – решим! У меня есть телевизор – вечером приглашаю на просмотр телепередач. Вон на лавке лежат два больших мешка, вы их набейте соломой, вот вам

и мягкие постели будут! А спать придется на полу, так у нас заведено! Завтра, в восемь утра, я за вами приду и покажу место работы!» - И ушла, оставив оторопевших ребят с молчаливой старухой и ругающимся младенцем.

Старуха заполнила две тарелки каким-то варевом, напоминающим пустые щи, отрезала два толстых куска черного хлеба и налила два стакана молока; жестом руки пригласила к столу. Ребята попробовали щи, они были невкусные, и, отодвинув тарелки, принялись с большим аппетитом за молоко и хлеб. Потом набили сеном мешки, умяли их своим телом и получились удобные, приятно пахнувшие травами постели. Устроившись на них, они быстро уснули.

Проснулись ребята от громких голосов, мужчина лет тридцати о чем-то спорил с высокой, крепкой, молодой женщиной, на руках которой удобно устроился младенец. Вся их речь была так тесно переплетена матерными выражениями, что было трудно понять, о чем они говорили. Наконец Санька сообразил, что речь идет о похищенных мужиком продуктах для постояльцев – пропало подсолнечное масло и маргарин. Мужик сначала отпирался, а потом сказал, что принесет украденное. Женщина ему не поверила и, взяв его за руку, куда-то увела. Скоро вернулась с большим свертком, и, обратившись к старухе, сказала: «Вот, гад, уже припрятал продукты для ребят, хотел обменять их на самогон. Я его вовремя прихватила у Маньки - самогонщицы! За ним надо внимательно следить. У, ворюга! - потом положила все продукты на стол, - это постояльцам выдали на неделю! Так что корми их кашей и щами, а молоко и картошку я буду приносить каждый вечер. Мясо, звеньевая обещала давать каждую неделю по разу»

Обратившись к ребятам, она сказала: «Скоро девять вечера, идите в дом звеньевой смотреть телевизор. Там собирается вся деревня!»

Санькин приятель тихо спросил, где можно помыться и сходить в туалет. Женщина его куда-то увела. Через некоторое время он появился, и на его лице было удивление и разочарование. Он рассказал Саньке, что туалета у них нет, а за пристройкой есть яма, покрытая досками, видимо, остатки от «нужника», туда они ходят справлять нужду, а умываются летом на улице, а зимой рукомойник переносят в дом. Бани своей у них нет, поэтому, по субботам, моются у соседей.

«Так что, Санька, привыкай к крестьянской жизни!» - обрадовал он этими известиями своего приятеля.

После таких слов Санька вновь вспомнил пионерский лагерь, первую июньскую смену, когда в семь утра пионервожатый почти силой поднимал с теплых кроватей своих подопечных и выталкивал на улицу, где температура воздуха едва поднималась выше десяти градусов. Замерзших детей сначала гонял по стадиону здоровый физрук, а потом заставляли умываться ледяной водой. И вот в деревне все повторяется вновь! Умывальник на улице, туалет за сараем на свежем воздухе!

Выпив по стакану теплого молока и пожевав прокисший черный хлеб, ребята отправились в соседний дом к звеньевой. Этот дом по величине был немного больше их жилища, но резко отличался своей ухоженностью и внутренними удобствами. Помещение было разделено на несколько комнат, главное, конечно, гостиная, где был большой диван, два кресла, стол с красивой скатертью и несколько стульев. В углу на тумбочке стоял телевизор. Почти все места заняли пришедшие соседи. Телевизор был старенький, но показывал довольно хорошо, на экране можно разглядеть движущиеся фигуры и понять речь героев. На стенах, кроме цветных ковров висело много фотографий, и Санька принялся их изучать.

«Хотите чаю с печеньем?» - услышал он тихий девичий голос.

Ребята скромно сказали: «Да!»

Девочка лет двенадцати поманила их рукой в соседнюю комнату, которая оказалась кухней и столовой. Устроившись за чистым столом, рядом с самоваром, печеньем и вазочкой с дешевыми конфетами ребята почувствовали себя в городской обстановке. Они пили чай из

ярких кружек и слушали веселую общительную дочку звеньевой. Та долго рассказывала о своей семье, с гордостью показывала на грамоты и поздравительные письма, которыми были награждены ее родители. Потом стала рассказывать о фотографиях на стенах, где были изображены все родственники и знакомые односельчане. На одной из картинок Санька узнал свою хозяйку, улыбающуюся и хорошо одетую.

«Что же с ней произошло?! Почему она сейчас такая хмурая и молчаливая?» - спросил он у девочки.

Та охотно стала рассказывать историю жизни этой женщины. В сорок втором году погиб ее муж, она одна воспитывала двух детей, мальчика и девочку, мальчик умер от менингита, а девочка выросла, работала дояркой, вышла замуж, родила ей внучку, а потом случайно погибла в автокатастрофе. Ее муж рано умер. Внучка в восемнадцать лет завербовалась на южную стройку, но вскоре приехала, заразившись там какой-то непонятной болезнью. Здесь, в деревне, бабка сумела подлечить ее, и она работает сейчас дояркой. Года два назад от постояльца, шофера, родила ребенка. Что у них получилось потом – никто не знает! Только мужчина, после крупной ссоры, внезапно уехал.

Ребята с большим интересом слушали рассказы девочки, съели все печенье, конфеты и засобирались домой. Пришли поздно в избе все давно спали: бабка устроилась на печке, внучка с ребенком на кровати, за занавеской. Ну, а постояльцы знали свое место – на полу. Около их матрасов лежало большое старое одеяло.

Ночь для Саньки выдалась беспокойная: сначала комары жужжали перед носом, потом кто-то рылся в его матрасе, то ли мыши, а может жуки! Уснул он только к утру. Громкий женский голос звеньевой прервал его сон. Разбитый, он вылез из-под одеяла и пошел умываться на улицу. Холодный воздух и ледяная вода взбодрили его. Позавтракав кашей и молоком с хлебом, они с приятелем пошли к дому звеньевой. Там собрались все приезжие. Звеньева бодрым голосом распределяла работу: Саньку направили собирать картошку, а его приятеля возить корма в коровник.

Картофельное поле располагалось сразу за деревней, оно было огромное и страшно было подумать, что горсточка людей сможет перекопать это обширное пространство. Звеньева, поняв их озабоченность, сказала, что скоро приедут к ним в помощь военнотруженики; их присылают на работу два раза в неделю.

Копать картошку никому не пришлось, картофелеуборочная машина взрыхлила землю и выбросила клубни наружу. Осталось только нагнуться, положить картошку в корзину, а когда та наполнится, разгрузить ее в общую кучу, откуда ее отвезут в город. Через час приехали солдаты, и работать стало веселей. Крепкие, веселые ребята со смешками и анекдотами за какие-то семь часов вычистили от картошки почти все поле, оставив заводским приезжим только несколько крайних полос.

Самое замечательное в приезде солдат было появление настоящей военной кухни. Ее привезли на автомашине прицепом. Дородный, высокий сверхсрочник деловито открыл бачки и пригласил всех работающих на колхозном поле попробовать солдатской пищи, так как у него было всего три свободных тарелки и ложки, то заводские ребята и колхозники ели по очереди. Наваристый суп из мясных консервов и макароны с мясом понравились всем, и многие приходили за добавкой. После солдат осталась почти треть бака макарон и чтобы не везти назад остатки, повар накладывал всем по полной миске. После такого обеда работать было тяжело, и многие устраивались на отдых на убранный картошке. Но появилась звеньева и быстро навела рабочий порядок.

Дни в колхозе для Саньки показались бы однообразными, если бы не дочка звеньевой. Девчушка двенадцати-тринадцати лет привязалась к Саньке, как ручная собачонка, она, после школы, всегда старалась быть рядом с ним. Почти каждый день уводила ребят, то в перелески за грибами, а то и в густые орешники.

Санька впервые увидел, как растут орехи, он с удивлением разбирал зеленое покрытие и доставал из него настоящий коричневый плод, который легко разламывал зубами и лакомился вкусным ядрышком. Оказывается, еще до семнадцатого года, один помещик увлекался садоводством. В этой местности он выращивал яблоки, вишни, сливы и орехи. Новая власть решила не заниматься таким баловством и стала растить только картошку и лен. Плодовые деревья потихонечку вымерли, а орешник одичал и заполонил все окрестные овраги; видимо, почва и климат ему понравились. Для промышленного производства колхоз не стал развивать сбор орехов и колхозная детвора каждый год подчищали богатые урожаи этих плодов.

По субботам и воскресениям на разбитой колхозной машине молодежь возили в клуб на танцы. В шесть часов вечера там показывали кино, а иногда приезжий лектор проводил беседу о международном положении, на которую кроме степенных стариков никто не приходил. А вот в восемь вечера помещение клуба освобождалось от лавок и молодежь, местная и приезжая, устраивала танцы. Под звуки охрипшего магнитофона молодые люди выделяли такие выкрутасы, что степенные старички сначала посмеивались, а потом тихо исчезали из помещения. К десяти часам в клубе оставаться было опасно, перепившая молодежь начинала выяснять друг с другом отношения. Сельский участковый, сам далеко не трезвый, сначала их успокаивал, а потом исчезал вслед за стариками. Приезжие ребята тоже старались незаметно уйти, но это было довольно затруднительно для тех, кого привезли из дальних деревень, шоферы их машин были всегда пьяны, и до утра о поездках нечего было говорить. Вот здесь всегда помогала дочка звеньевой, которая в сплошной темноте, какими-то немыслимыми тропами приводила ребят всего за час в их родную деревню, хотя они на машине тряслись по пыльным дорогам гораздо большее время.

Месяц в деревне пролетел незаметно, сначала время тянулось медленно, а потом дни стали мелькать, как стрелки на часах. На центральную усадьбу приехал заводской автобус, забрал своих пассажиров и повез по разбитым дорогам в город, где у центральной заводской проходной их высадили и они разбрелись по своим домам.

Дочка звеньевой, в последний вечер, напоив его чаем, сказала, что будет скучать без него, сунула ему в руку конверт с письмом, и они расстались. Потом в городе Санька все старался вспомнить, куда же он положил ее послание, но память не хотела ему возвращать приятные минуты их знакомства.

На другой день Санька вышел на свою работу; его встретили радостными возгласами заводские знакомые, которые интересовались: «Не хочет ли он переехать на постоянное жительство в деревню?» На что тот всегда говорил: «Надо подумать!»

Мастер выполнил свое обещание: у велосипеда появилось новое переднее колесо. Каждый день Санька ездил по заводской территории, он изучил все проходы и мог легко провести рабочих в любое нужное место. Одно он не мог – выехать за проходную. Для этого ему надо было отработать по вызовам еще два месяца.

В ноябре ему пришлось целую неделю работать в ночные смены на разгрузке торфа. Там тоже ничего не изменилось, все та же бригада разгружала составы с топливом, мучилась с разного рода корягами, попавшими в вагоны, радовалась получению денег и сразу после работы торопилась их пропить. Его бывший учитель по этой работе все также предлагал перейти к ним.

В декабре, когда снежный покров постоянно утвердился на земле, мастер предложил ему поработать по расчистке путей от снега «на гора», так называлось место, куда вагонетки с очищенным и высушенным торфом поднимались с нижнего склада. Дрезина с большим трудом тащила один-два вагона на гору, где сбрасывала топливо в печь, а вот вниз, она неслась на огромной скорости. Сложность этой работы заключалась в том, что количество путей вниз было всего два, а наверху целых пять, и поэтому, когда она выскакивала пустая, то никто кроме ее водителя не знал, на каком пути она окажется. А его сигналы огнями, ночью были почти не

видны, верхнее освещение слепило глаза рабочим убирающим снег с путей. Эта работа считалась самой опасной на ТЭЦ, поэтому там мало кто соглашался работать постоянно. Начальству приходилось на ночные смены привлекать рабочих из других цехов. Вот Санька и попал в их число! Мастер провел инструктаж по этой опасной работе, предупредив не лезть на пути при близко идущей дрезине, особенно когда она спускается порожняя. Санька со своей молодой ветреностью, говорил ему, что он шустрый и глазастый и ему не страшна такая работа. Когда же он в первый раз оказался на этих путях, то быстро понял, какая его подстерегает опасность. Ни «глазастость», ни «шустрость» не смогут ему помочь, а здесь все решает дело случая: вагонетка после сброса топлива выезжала откуда-то снизу, и увидеть ее можно было за пятнадцать-двадцать метров, а это при ее скорости при спуске, составляло всего две-три секунды до рабочего. Дежурная на верхней площадке предупредила Саньку, чтобы он счищал снег только на первых двух путях, а на остальных «пусть начальство работает», если не захотели сделать «рельсы с подогревом». Санька с ней соглашался!

Первые две ночные смены прошли без особых сложностей, Санька не лез к третьим путям и всегда вовремя замечалдвигающуюся вагонетку. На третий день погода была ужасная: метель навалила столько снега, что рельсы и насыпь превратились в одно ровное поле. Санька быстро убрал снег с первого пути и перешел к чистке второго. Внизу за бугром раздался скрежет и визг дрезины. Это поднимался снизу разгруженный поезд; верхний прожектор его сквозь снежную пелену казался тусклым слабым фонарем. Санька только что начал расчищать вторую рельсу и ему не хотелось оставить незаконченную работу, идти к будке и снова возвращаться к незавершенной работе. Свет движущегося прожектора казался тусклым и далеким. «Успею дочистить рельсу!» - говорил он сам себе, но какая-то внутренняя сила толкала его с пути и он, поддавшись этому голосу, сделал шаг назад. Нога попала на скользкий металл, и Санька упал на спину. Растерявшись от неожиданного положения, он перевернулся, и хотел было вскочить, но нога в тяжелом валенке не смогла найти опоры в снежном заносе и оказалась на рельсе. А поезд со своей темной массой с горящими фонарями налетел на упавшую фигуру и резанул колесами по ноге. Страшная боль парализовала тело парня; ему показалось, что на ногу полили крутым кипятком. Санька потерял сознание. Очнулся он от равномерного покачивания тела и тупой боли в ноге. Два санитаря осторожно сунули носилки с парнем в машину. Санька испуганно посмотрел на ближайшего санитаря и хотел что-то спросить, но какая-то вялость охватила тело, и его сознание растворилось в тягучей массе переживаний.

Очнулся он внезапно, и с удивлением увидел, что находится в белой комнате, в такой же белой кровати, под накрахмаленными жесткими простынями. Рядом на табурете сидит мать с каким-то серым осунувшимся лицом; ее бесцветные тонкие губы что-то шепчут. Голос Санька не слышал, но почувствовал, что они произносят слова молитвы. Холодными тонкими пальцами она гладила его ладонь. Больная нога ныла, во рту был привкус какого-то противного лекарства. Он посмотрел на ноги. Вместо обычной ноги Санька увидел странный забинтованный обрубок.

Тоскливая мысль пронзила его: «Отрезали ногу! Как жить без одной ноги! А велосипед... как на нем буду ездить?!»

Мать, увидев, что сын очнулся, попыталась улыбнуться и тихим дрожащим голосом спросила:

- Санечка, как ты себя чувствуешь?

Он ничего не ответил, а отвернулся. По щеке ползла предательская слеза.

Через месяц Саньку выписали из больницы. Машина Скорой помощи довезла его с матерью до подъезда дома, а дальше на костылях, не спеша он добрался до своей комнаты.

В коридоре у дверей на стене висел пахнувший яркой синей краской велосипед. Его плавно изогнутый руль, стальные колеса привлекли внимание парня, он остановился и с каким-то внутренним трепетом погладил металлическую раму велосипеда.

- Вот, принесли с работы! Как же ты, Санечка, теперь будешь на нем ездить?

Сын внимательно посмотрел на мать и четко произнес:

- Если в цирке медведи катаются на велосипеде, то я тоже научусь ездить! Ведь я – Человек!

Прошло много лет. Санька давно стал Александром Васильевичем. Он окончил Педагогический институт, работал учителем математики, завучем, потом стал директором одной из центральных школ. Жена его тоже была учителем. У него двое детей, обе девочки. Старшая пошла по стопам родителей – учитель математики. Младшая, которая в детстве часто говорила отцу: «Я, папочка, вот вырасту, стану врачом и вылечу твою ножку!» Она выросла, стала детским врачом, но «ножку» так и не смогла отцу вылечить. Александр Васильевич никогда не ходил на костылях, ему сделали хороший протез, и все видели его только идущим с палочкой или едущим куда-нибудь на велосипеде. Каждые три года он покупал себе новый велосипед, а старый отдавал знакомым ребятам из малоимущих семей. Когда жена ему говорила, чтобы он прекратил ненужные траты, он тихим спокойным голосом отвечал: «Я не хочу, чтобы с ними повторилась моя история!»

Враги

Глава 1

Автомобиль долго не заводился.

«Опять забарахлил аккумулятор! - со злостью подумал Алексей, - как надо быстрее ехать с автомобилем начинаются проблемы! Придется добираться до офиса на метро! А это толкотня, ругань, еще какой-нибудь вирусной заразой наградят!»

Алексей, вернее Алексей Михайлович, как его называли подчиненные, общественный транспорт недолюбливал; после какой-нибудь нечаянной поездке в нем, он всегда долго чихал, охал, страдал головной болью и другими недомоганиями. У него это было с самого рождения, в роддоме он чудом выжил от простуды, его маленькое тельце получило столько уколов пенициллина, что их хватило бы на всех больных малышей и их мам всей больницы. Да, здоровьем природа Алексея Михайловича не потрудились наградить, а может просто забыла. С детства он был маленьким, хиленьким очкариком, которого любой сверстник мог обидеть. Он привык находиться всегда в сторонке, тихо заниматься своими игрушками, а если кто-то их отбирал... - молча, без злобы отдаст и сразу переключится на другую игру. Из своего спокойного уголка он с завистью наблюдал за играми сверстников и всегда успокаивал себя словами: «Вот вырасту, стану здоровым и сильным, вам всем покажу, как меня обижать!» Эти слова он говорил себе в детском садике, в школе, в институте и даже в Армии, куда его взяли толи по ошибке, а может из-за нехватки призывников.

Пришло время, и Алеша превратился в Алексея Михайловича, маленького, толстенького человечка в больших роговых очках и в солидной фетровой шляпе, у которого перед всеми окружающими было большое достоинство: он стал сначала мелким начальником, потом средним, а позже и самым большим! Алексей Михайлович любил свою работу, и она тоже любила его, поэтому поднимала этого человека все выше и выше!

В его жизни большую роль всегда играл случай! Или это кто-то с небес, дав Алексею слабое тело, решил дополнить такое упущение какими-нибудь удачами, пусть небольшими, но приятными на первый момент. Правда, эти удачи, иногда, быстро сменялись горькими разочарованиями.

В детские годы Алексей занимался шахматами и коллекционированием марок. Шахматистом он был слабым, но довольно удачливым игроком. Надо выставить команду от школы, и там оказывался он. По жеребьевке все сильные противники достаются другим, Алексей играет только со слабыми, и так он доходит до финиша, где вдруг его соперник или заболит, или откажется играть по каким-либо причинам. Алексей становится чемпионом! Только он возгордится этим положением, как в следующих соревнованиях начинает проигрывать всем подряд... - наступает в его жизни пора огорчений!

В коллекционировании марок тоже пора везения и неудач были тесно переплетены. Собрал Алексей их два больших альбома, а похвастаться нечем – так, одна макулатура! А однажды в подъезде помог соседке подслеповатой старушке донести до мусорного ящика большой полиэтиленовый мешок с кучей всяких бумаг и увидел измятые марки. После ухода соседки Алеша около часа выбирал из мусора ценные картинки, потом дома тщательно изучил найденный материал. Через неделю о нем знали все филателисты города! Алексей стал обладателем прекрасной коллекции иностранных марок, которую старая женщина, после смерти сына, по незнанию, выбросила как мусор. Потерял он это сокровище также легко, как и нашел! Как-то вынес во двор свой драгоценный альбом, хотел похвастаться перед друзьями сокровищем; несказанно удивил их, а при возвращении домой, в темном подъезде его поджидал здоровый парень из его класса – третьегодник, гроза всех мальчишек и девчонок их двора. Он вырвал из рук альбом и растворился в темноте подъезда. Звали этого вора и обидчика – Клык!

Кличку ему дали по его фамилии – Клык. Сколько неприятных минут и часов Алексей испытал от этого грубого создания! Всегда считал его своим злейшим врагом.

С поступлением и учебой в институте у Алексея тоже были связаны разные воспоминания. В школе он учился средне, тройки и четверки были его обычными оценками. Аттестатом зрелости Алексей тоже не мог похвастаться! Но после окончания школы решил поступить в институт, ему повезло, в тот год не было конкурса, и Алексей стал студентом! Только он расправил плечи и с важным видом посмотрел на окружающий мир, как в почтовом ящике появилась белая невзрачная казенная бумажка – повестка, которая приглашала его послужить на защите своей Страны. Алексей пришел в военкомат, робко показал студенческий билет, на который никто не обратил внимания! Ему предложили пройти медицинскую комиссию, в которую входили пять старых врачей. Трое из них его забраковали, о чем доложили военкому. Тот с важным видом знатока еще раз просмотрел результаты проверки призывника и сделал свой вывод: «Годен служить в стройбате!»

Так Алексей превратился из студента в армейскую рабочую силу. Направили его служить в самую южную точку нашей Страны - Кушку, на самую границу. Самое страшное в его солдатской службе было не отдаленность места службы, не дикость нравов местных жителей, не жесткое расписание дня, не испепеляющая жара, которая днем доводила до сумасшествия, а присутствие и жестокое издевательство его соседа по дому и по школе – ненавистного Клыка. Этот изверг был старослужащим, ему оставалось до «дембеля» прослужить всего шесть месяцев. Ну, а раз он являлся «стариком», то сразу взял в рабы бедного Алексея. Как их свела судьба вместе – одному Богу известно! Видимо, там - наверху решили закалить для дальнейшей жизни характер Алексея.

Клык его заметил сразу, как только одуревший от жары Алексей вывалился из раскаленного автобуса. Он привел его в казарму (дощатый барак набитый двухъярусными койками) и предложил вкусить радость солдатской жизни на первом ярусе. Вся прелесть этой жизни заключалась в том, чтобы вдыхать ароматы от верхнего грязного матраса и послеобеденных газов, испускаемых Клыком. Тот лежал на втором ярусе, где было тоже жарко, но воздух, куда чище, чем на первом этаже.

Находясь на положении заключенного, Алексей, кроме своей основной работы по очистке арыков и прокладке траншей, должен был выполнить рабочую норму Клыка, который вместе с такими же «стариками» отдыхал в тенечке, сладко посапывая во сне, или наслаждался очередными, «забористыми» анекдотами. Но самое страшное ждало Алексея впереди: Клык, перед своим отъездом, обещал накормить новобранца толи тарантулом, то ли скорпионом или еще каким-то «гадом»; и съесть его надо было обязательно живым, предварительно оторвав ядовитые части. От всех солдатских трудов, переживаний, несносной жары, пухленький Алексей превратился через три месяца в высохшее существо, на котором солдатская форма висела как на вешалке. Его ждал печальный конец, но вездесущий случай помог ему – он подцепил какую-то южную заразу! Его отправили лечиться в госпиталь, а дальше в центральную Россию.

Воинская часть стояла где-то под Борисоглебском, между Ростовом и Угличем. Первое, что его удивило – это отсутствие хороших дорог: из Ярославля до Ростова он доехал на электричке, а в сторону Борисоглебска вела одна грунтовая дорога, устроенная еще или Иваном Грозным, или предшественниками царями. Дальше Алексей добирался на попутных совхозных машинах. Воинская часть представляла собой какие-то радиоустановки, массу всяких антенн, все ее основное устройство находилось под землей. Его зачислили в роту охраны, через день он стоял на одной из охранных вышек. Служба была спокойная - никакой «дедовщины» или издевательств со стороны старослужащих. Когда он приехал домой после службы, на него было приятно смотреть: спортивного вида, немного полноватый солдат с веселым лицом.

Алексей закончил учебу в институте и устроился в промышленную организацию мелким служащим. Он сидел в небольшой комнате, где находились еще пять работников. Все они

перебирали бумаги, делали отчеты о направляемых в другие организации документах. Только через два года этой нудной работы Алексей мог толком объяснить, в чем заключается смысл существования этой организации.

Начальником он стал случайно. Под новый год, когда свирепствовали всякие простудные болезни и в его отделе все начальники были больны, вышестоящему начальству срочно понадобились данные об их работе. На совещание отправили Алексея, где он довольно толково выступил и показал пути выхода из сложных ситуаций. О нем заговорили с уважением, через год назначили заместителем начальника отдела, вскоре он занял и его кабинет. На всех совещаниях его доклады принимались как руководство к правильным действиям. Через три года Алексей стал заместителем директора и всегда замещал его при командировках и болезнях.

Характер Алексея мало изменился за это время: он был доброжелательным, спокойным человеком, с уважением относился к своим подчиненным. Организация предоставила ему большую трехкомнатную квартиру, где он жил с женой - маленькой пухленькой женщиной, очень похожей на него. Детей у них не было, зато одну из комнат занимали: собака неопределенной породы и огромный сибирский, белый кот. Собака была любимицей жены, а кот отдавал свое предпочтение хозяину. Новая квартира была недалеко от его старого дома, во двор которого он любил иногда заглядывать, это происходило во время прогулки с собакой. Знакомых и друзей детства он никогда не встречал, время раскидало всех по огромной стране.

Своей персональной машиной от организации, он никогда не пользовался, а ездил на новеньком японском автомобиле, приобретенном за большие деньги через сомнительных знакомых. Машина была очень красивая, всегда стояла на охраняемом месте с таким количеством запоров и всяких приспособлений от угонов, что Алексею самому было трудно пользоваться ею. Вот и в этот раз, вроде бы он отключил все замысловатые системы охраны, а иностранная красавица что-то требовала еще! Сосед-водитель, поковырявшись в моторе, посоветовал вызвать ремонтников, что он и сделал. Алексею пришлось добратся до работы на метро.

Его организация располагалась недалеко, а вот прямой дороги к ней не было. Две остановки трамвая и одна в метро – только так можно быстро доехать. Толкотню в трамвае еще можно перетерпеть, метро – сложнее: до одиннадцати утра около входа происходил сплошной водоворот из людских тел. Огромная толпа желающих поскорее нырнуть в туннель, пугала Алексея, привыкшего за последние годы комфортабельно добираться до своего кабинета. С трамваем ему повезло, вагон быстро довез до станции метро, а там, выходящая масса людей подхватила его беспомощное тело и доставила до входа в подземку. Изрядно помятый с испорченным настроением он стоял в длинной очереди в кассу за билетом. Правда, кассиры работали довольно быстро и очередь исправно двигалась. Понемногу, привыкнув к такому ритму, Алексей стал рассматривать окружающую обстановку: люди, получившие долгожданные жетоны на проезд быстро исчезали в проходящей толпе. Картина появления и исчезновения новых и новых лиц резко контрастировала с группой лениво развалившихся у окна полупьяных, бездомных людей. Их неряшливая одежда, опухшие красные лица или от вина, а может от недосыпания, отталкивали взгляды прохожих. Но Алексея любопытство заставило внимательно всмотреться в этих «бомжей», которые перестали бороться за свое человеческое существование, скатились в канаву с отбросами и потихоньку гнили в беспробудном сне. Особенно его заинтересовала огромная фигура «бомжа» в живописных лохмотьях, состоящих из рваной меховой куртки и заляпанных краской и грязью штанов; что-то знакомое показалось Алексею в этом мохнатом, истерзанном существе.

Получив свои два жетона на проезд, протолкнувшись через толпу, он подошел ближе к «бомжу». Запах сырой кожи, мочи и кала резко оттолкнул его назад; отвернувшись, Алексей хотел было исчезнуть в толпе, как краем глаза увидел лицо этого гиганта – это был Клык! Тот самый враг, из-за которого у него было много неприятностей в школе и армии. Алексей чуть было не получил инфаркт от этой встречи: его сначала бросило в жар, потом холод сковал все

члены... он не мог даже двигаться; спасибо толпе, она подхватила застывшее тело и понесла к поездам. У будки с контролерами стоял молодой, высокий милиционер и внимательно сверлил глазами прохожих, как бы отыскивая нужного человека. Алексей прошел близко от него и тот с удивлением, даже подозрением на него посмотрел, но потом быстро отвернулся в другую сторону. Нервное возбуждение, охватившее Алексея не проходило. Горестные воспоминания смешивались с какой-то злобой, с попыткой отомстить этому Клыку за гадости и унижения, которые он претерпел по его вине. Когда Алексей подошел к вагону метро план мщения полностью созрел в его голове: заплатить дежурному милиционеру и пусть тот «отделает» Клыка своей дубинкой. Никакой жалости попавшему в беду обидчику он не испытывал! Только мщение, физическая расправа над бывшим тираном могла успокоить и привести в нормальное психическое состояние Алексея.

Он подошел к милиционеру и стал сбивчиво объяснять причину обращения, тот сначала непонимающе на него посмотрел, потом два раза тряхнул головой, посмотрел в сторону и тихо, но внятно, назвал сумму за процесс физической расправы. Сумма была не малая, но Алексей даже не задумался, быстро достал бумажник, раскрыл, и хотел было отсчитать купюры, как милиционер сказал: «Расчет потом, после работы. Идите за угол здания метро к ящикам с мусором. Я туда притащу этого мужика и при вас накажу его!»

Алексей быстро нашел указанное место и стал ждать. Минут через десять из-за угла появились три фигуры, два милиционера тащили слабо упирающего Клыка, тот что-то бубнил себе под нос и удивленно смотрел на стражей порядка. За углом здания находилось временное складирование строительных материалов, а рядом была устроена настоящая помойка из отбросов. Место было пустынное, желающих заглянуть в этот закуток - не было. Алексей прижался спиной к доскам, со страхом смотрел на проходящую группу.

- Этот, что ли?! - слышал он слова милиционеров, - мы его каждую неделю здесь наказываем! Пристаёт к пассажирам, нагло требует деньги! Здоровый мужик! Мы его «дубасим», а ему хоть бы что! День-два тихим прикидывается, а потом снова начинает озорничать. Ну, сегодня мы его отделаем от души! Он нам много «крови попортил»! Прирос к этой станции - никуда не уходит. Видимо, где-то поблизости ночует в подвале! Грязи и вони от него столько, что и за неделю рук не отмыть!

После такой тирады, милиционер ударом ноги ловко опрокинул Клыка на землю. Тот, без звука плюхнулся в грязные отбросы, закрыл огромными ладонями голову и замер. Милиционеры принялись деловито, без злобы отделять его дубинками. Клык, молча, переносил болезненные удары по спине, рукам и ногам! Алексей, сначала с удовольствием наблюдавший за такой дикой расправой, почувствовал в себе даже какую-то нарастающую жалость к обидчику. Клык, который никогда никого не жалел, точно также относился и к себе самому!

«Может это такая порода людей? Они бунтуют, делают революции, идут против общества, проливают много своей и чужой крови! А вот ради чего - не понятно!» - такие мысли заставили Алексея прекратить бессмысленную расправу.

- У этого мужика, какая-то странная психика! Бьешь такой тяжелой дубиной, а он, как будто - не чувствует! Может, терпит эту боль?!» - удивился один из охранников.

Расплатившись с милиционерами, не глядя на лежащего в грязи Клыка, Алексей в задумчивости вошел в метро. В вагоне было душно и полно народу.

«Хорошо, что ехать всего две остановки, а то в этой душгубке можно и задохнуться!» - с раздражением думал он. В голове, под шум двигающихся механизмов, звучало непонятное для него слово - «психика», сказанное одним из милиционеров. Алексей мысленно несколько раз повторил это слово; по радио и телевидению ему приходилось слышать: «психология, психоз, психика», а вот что конкретно они обозначают - не задумывался!

«Надо будет после работы зайти в библиотеку, взять книжку об этом предмете и почи-
тать!» - сказал он себе.

На работе в этот день тоже все как-то не клеилось: то отвечал на вопросы невпопад, то давал указания и тут же их отменял, весь рабочий день перед ним представляла утренняя картина – лежащий в грязи Клык, а в голове звучало слово – «психология».

Вечером, Алексей не стал вызывать служебную машину, а пешком направился в ближайшую библиотеку. Можно было туда не ходить, а попросить секретаря принести нужную литературу по теме «психология», но ему стало бы стыдно признаться подчиненному о какой именно книге идет речь!

В светлой уютной библиотеке немногочисленная публика, в основном люди пожилого возраста, молча, стояли у стеллажей с литературой и внимательно изучали выставленные книги. Алексей Михайлович с некоторой робостью подошел к молоденькой библиотекарше и извиняющимся тоном произнес:

- Можно познакомиться с литературой на тему психология личности? - ему было страшно услышать слова: «Какой конкретно момент вас интересует?»

Но библиотекарь, мельком взглянув в его сторону, отчетливо произнесла:

- Второй стеллаж за мной, слева!

Быстро найдя нужную полку, он стал изучать корешки книг; они все были серые, какие-то холодные и не привлекали к себе читателя. Алексей взял наугад две книжки – это оказались учебники, для медицинского училища и юридического института. Полистав их жесткие страницы, пробежал глазами по сухим строчкам неинтересной информации, он поставил книги на место. Постоял для приличия еще пару минут. Алексей собирался уже отойти от стеллажа, как вдруг случайно заметил внизу группу ярких корешков, заинтересовавшись, он нагнулся и достал один томик. На обложке красивым четким шрифтом было написано – «Занимательная психология», полистал страницы; небольшие рассказы с интересными иллюстрациями, выполненными в стиле художника-карикатуриста, очень понравились ему. Книга рассказывала о психологических особенностях людей от времен древней Греции и до нашего времени. Сначала Алексей хотел просто ее поверхностно просмотреть и поставить на полку, но чтение первого рассказа потянуло заглянуть в содержание второй, третьей историй прошлого времени. Чувствуя, что ему трудно оторваться от этой книжки, Алексей решил взять ее для развлечения. Выполнив все нужные формальности у библиотекаря, он положил томик в портфель и с приподнятым настроением поспешил домой, где после легкого ужина расположился на диване и, забыв про ежевечерний просмотр детективного сериала, принялся внимательно изучать каждую страницу этой удивительной книги. Жена, удивленная его необычным поведением, поинтересовалась, что он нашел занимательного в чтении; Алексей Михайлович прочитал вслух рассказ о жизни Диогена, которому кроме старой бочки и маленькой глиняной миски ничего в жизни не надо. Бочка и миска не отвлекали знаменитого философа от главного – изучения себя и людей вообще. И тут в голове промелькнула шальная мысль: «Клык, над которым он сегодня издевался, тоже имеет свою философию! Вот только интересно, в чем ее смысл! Если ему не мстить, а помочь вырваться из жизненной трясины, то Алексей сделает доброе дело – вернет человека на путь истины!» Помечтав еще о своем будущем благородном поступке, он решил завтра претворить его в жизнь.

Утром следующего дня, после кратковременной «летучки», Алексей Михайлович, вызвал в свой кабинет начальника охраны, бывшего офицера, которому он, в свое время, помог удачно устроиться на работу. При закрытых дверях они долго обсуждали вопрос о помощи бездомному Клыку. Алексей Михайлович целый час рассказывал подчиненному неприятные моменты их жизненных встреч. Тот сначала с негодованием слушал о подлости и нечестности Клыка, а потом еще большим уважением проникся к своему начальнику, узнав о той помощи, которую тот готовил своему обидчику. Привыкший жить по армейским законам «око за око, зуб за зуб», начальник охраны с трудом понимал библейский принцип жизни – «ударили по левой щеке, поставь обидчику и правую...»

«Конечно, милосердие имеет право на существование, но есть оскорбления, которые не прощаются! Можно, в крайнем случае, просто не замечать обидчика, но вытаскивать из жизненной пропасти такого человека - еще надо подумать! А может он по своей воле устроил себе жизнь «бомжа» и она его вполне устраивает?!» - так он рассуждал при своем начальнике. Тот же под впечатлением прочитанной книжки и нового благородного порыва, не стал его слушать, а просто приказал привести Клыка в общежитие предприятия, вымыть, одеть и устроить на работу.

Так все и сделали!

У Клыка появилась новая жизнь: сначала он работал грузчиком-уборщиком. Потом пошел на «повышение» - стал охранником! Алексей Михайлович со стороны всегда наблюдал за своим подопечным, но никогда к нему не подходил, не разговаривал. Клык как-то странно себя вел с самого начала появления, ни с кем не заводил дружеских отношений, предпочитал одинокую «волчью» жизнь; отработает свою смену и исчезает с поля зрения начальства, иногда не ночует в общежитии, иногда от него исходил винный запах, о котором начальник охраны тут же докладывал Алексею Михайловичу. На эти замечания тот только говорил: «Это бывает! Он с трудом привыкает к новой жизни!»

Однажды, когда Алексей Михайлович задержался на работе, и довольно поздно появился в гараже, чтобы взять свою машину, на пропускном пункте дорогу ему преградил Клык, от которого несло сивушным запахом. Небрежно схватив огромной лапой плечо Алексея Михайловича, он заплетающимся языком прошипел тому прямо в лицо:

- А я тебя сразу узнал, очкарик! Мы вместе учились в школе, вместе служили в Армии. Только потом ты куда-то исчез, и я вижу, стал большим начальником! - У меня жизнь была хорошая! Пока ты ее не испортил! Посмотри на меня, кого ты из меня сделал - работягу! Утром надо вставать еще до петухов, идти на работу, стоять на ногах восемь часов! А получать - какие-то гроши; расплатишься по всем квитанциям и... выпить не на что! Ты думаешь, что меня облагодетельствовал - сломав мою жизнь! Я до тебя жил как король! Продав свою комнату,пил, сколько душа хотела, а кончились деньги - пошел в Метро, поставил банку у ног, а сердобольные люди сами ее наполняют деньгами. Ночевал в подвале на теплых трубах, чем тебе не деревенская печь! Ни от кого не зависел, никому, ничего не был должен; собственности не имел, поэтому жил, легко и свободно! Тебе меня не понять - ты все рвешься к деньгам, должностям, почету и уважению! А мне на все это - наплевать! Дать бы тебе в морду! Да, убить боюсь - посадят за решетку! А я люблю свободу! Я от тебя лучше буду иметь доход, помнишь, как в Армии с молодых получали «навар»... отбирали посылки, деньги, новые вещи; ты мне тоже каждую неделю будешь платить за спокойную жизнь! Если, закапризничаешь - изуродую! Работать у тебя больше не буду, а завтра в двенадцать часов приду за первыми деньгами - триста рублей в пакетике приготовь! Буду ждать у входа в здание! - Резко оттолкнув Алексея Михайловича от себя, Клык нетвердой походкой пошел к выходу из гаража.

Минуты две Алексей Михайлович стоял в раздумье, он не понимал, что произошло! Его - большого начальника, какой-то пьяный подчиненный оскорбил последними словами и потребовал деньги. И за что?! Он помог человеку подняться, когда с тем произошло несчастье, протянул руку помощи, а за это ему «плюнули в лицо»! Обида и злоба захлестнули Алексея Михайловича, по сотовому телефону он позвонил начальнику охраны, что бы спросить совета, как поступить в данной ситуации? Тот, не смотря на позднее время, оказался в своем кабинете; ему пришлось выйти в ночную смену, чтобы подменить внезапно заболевшего подчиненного.

Поднявшись на второй этаж в его кабинет, Алексей Михайлович рассказал о своем внезапном приключении, о неблагодарности Клыка. Начальник охраны его внимательно выслушал и тихо произнес: «Как не корми волка, а он все в лес смотрит!» А потом, печально усмехнувшись, уже громко и отчетливо сказал: «С волками жить - по-волчьи выть! Раз Клык поступил с Вами по-скотски, мы с ним также поступим!» И предложил вариант действий, как отделаться

от этого человека раз и навсегда. Смысл предложения заключался в следующем: по своему армейскому прошлому начальник охраны имел знакомство со многими военными чинами, среди них были и военные летчики дальней авиации, почти каждую неделю они совершали полеты во все стороны света. Он позвонил одному из них и объяснил ситуацию, тот секунд десять молчал, видимо обдумывал странное предложение, а потом сказал: «Проблем нет! Раз это «бомж» и без документов, его можно забросить в любую точку России, через пару дней один из самолетов летит на учения в сторону Якутии, летчики и подбросят это «чудо» в какое-нибудь дальнее стойбище, где кроме оленей и волков не найдешь не одного живого существа. Привози свою «посылку» в надлежащем виде на аэродром, я тебя встречу и все устрою! За такую работу, пусть твой начальник готовит два ящика коньяка!»

Алексей Михайлович, услышав, что скоро освободится от ненавистного Клыка, заметно повеселел и, попросив официанта из столовой принести в кабинет начальника охраны дежурный ужин, целый час рассказывал подчиненному о жизни и неприятных встречах со своим врагом.

Тем временем Клык, в большой злобе на весь окружающий мир, пришел в общежитие, собрал вещи. Перед выходом, мельком посмотрел на себя в зеркало: черная, хорошо подогнанная форма охранника, бывшая на нем, вдруг взбесила его. Содрав с себя этот наряд, Клык хотел было заменить его другой одеждой, но, увы, ничего путного в его гардеробе не нашлось. Полураздетый и злой он вышел в коридор, подошел к соседней комнате, толкнул дверь - она была заперта. Ударом ноги Клык вышиб замок, подошел к шкафу, нашел для себя только зимнюю лыжную куртку оранжевого цвета и спортивный костюм из толстой непромокаемой ткани. Вся остальная одежда оказалась ему мала.

«По погоде и одежка!» - злорадно подумал он.

Под матрасом Клык нашел спрятанный бумажник с документами и небольшой суммой денег.

«Наверное, сосед деньжата копил для отпуска, вот я и отдохну за его счет!» - со злобой сказал он себе.

На лестнице послышался стук. Клык аккуратно прикрыл дверь комнаты и через запасной выход вышел на улицу. Зашел в магазин, купил водки, два пирожка и направился в сторону метро к своим друзьям.

Переночевав в подвале дома на любимой теплой трубе, Клык наскоро перекусил в кафе и в хорошем настроении направился получать первый гонорар от очкарика.

Недалеко от места бывшей работы его окликнули из стоявшего у тротуара автомобиля: «Клык, старый хрен, привет! А ты совсем не изменился, все та же толстая наглая рожа! Что пялишь глаза... не узнаешь меня, вместе в Армии жарились на Кушке. Помнишь, как я тебя вытащил из реки, воды там по колено, а ты ухитрился, пьяный пентюх, захлебнуться! Если бы ни я – быть тебе покойником!»

Из новенькой машины вышел здоровый, незнакомый парень и продолжал в красках расписывать их прошлую армейскую жизнь. Клык сначала насторожился, но услышав знакомые истории, заулыбался и протянул руку для приветствия. Парень, не уступая сложением Клыку, плотно обхватил его руками, приподнял и несколько секунд тряс того в воздухе.

«Вот так встреча! Не ожидал тебя увидеть здесь! Столько лет не виделись! Садись в машину. Надо отметить встречу! Сейчас поедем в кабак, и погуляем по полной программе, на всю катушку с музыкой и бабами!»

Клык, ошеломленный неожиданной встречей, безропотно повиновался бывшему сослуживцу, сел в машину и все старался вспомнить, кто же это может быть?

Веселый парень, не теряя времени даром, достал бутылку дорогой водки, отвинтил пробку, отвернулся за стаканчиками, налил прозрачную жидкость в емкости и повернувшись, произнес: «За встречу, старый дружище!» И опрокинул содержимое в рот, Клык последовал

его примеру. За первой пошла вторая, третья стопки... Клыку стало легко и весело, и очень захотелось спать. Во сне или в пьяном беспмятстве ему чудилось, что его куда-то везут, ему становилось то очень жарко, то холод сковывал все тело; какой-то страшный шум и грохот преследовал Клыка во время пути. И вдруг – внезапная тишина, воздух напоенный сладким дымком, заунывный дребезжащий голос, толи пение, а может разговор... все это пробудило Клыка.

Он открыл глаза. Удивляться было нечему. Знакомая картина подвальной жизни открывалась перед ним: слабое освещение, почему-то керосиновой лампой, чугунная печь – «буржуйка», раскаленная до красна пылала жаром. Необычным показалось обилие меховых изделий, которые были повсюду и на нем тоже. Две крупные собаки неизвестной породы лежали рядом, доверчиво подставляя ему свои бока. В полутьме виднелась какая-то фигура, сидящая на дощатом полу покрытым шкурами, она плавно покачивалась из стороны в сторону. Слабый гортанный голос доносился от нее.

«Наверное, обкурился мужик!» – мелькнуло в голове Клыка.

Воздух в помещении был подвальный, затхлый и ему захотелось выйти наружу. Клык попробовал встать, но запутавшись в меховой одежде, рухнул на пол, ударив плечом одну из собак. Та, слабо взвизгнув, отползла в сторону. В голове шумело, немного подташнивало. Наконец он привстал и хриплым голосом крикнул в сторону покачивающейся фигуры:

– Эй, мужик! Где здесь выход?!

Фигура показала рукой в сторону от печки. Клык с трудом поднялся во весь рост, сделал два шага в указанную сторону и уперся в кожаный полог. Отодвинув его рукой, он почувствовал дыхание отрезвляющего, морозного воздуха. Выйдя наружу, он оказался в темно-синем, снежном пространстве, но больше всего его поразило небо: с одной стороны из глубинной черноты на него смотрели крупные звезды и большая луна, с другой фейерверк цветных пятен пульсировал в воздушном пространстве, представляя собой красочную волшебную картину.

«Ни хрена себе! Что это происходит?! Куда я попал?» – задался вопросом Клык.

Он снова вернулся в затхлое помещение, там было относительно тепло и как-то спокойно. Голова прояснилась от свежего воздуха, память восстанавливала картины прошлых событий. Он вспомнил, как шел к «очкарику» за деньгами, его остановил армейский друг, они вместе пили водку в его машине... потом провал и он здесь в царстве вечной мерзлоты. Подойдя ближе к сидящему человеку, Клык стал его внимательно рассматривать: небольшого роста, черноволосый с узкими раскосыми глазами, морщинистая темная кожа.

– Мужик, кто ты такой и где я нахожусь?! – спросил он незнакомца.

Тот как будто ожидал этого вопроса, поэтому спокойным тихим голосом стал рассказывать, что он оленевод, а его привезли вертолетом пограничники, оставили около юрты, рядом с ним бросили два мешка с продовольствием, ничего не сказали и улетели. Дальше из разговора оленевода, Клык узнал, что они находятся далеко на севере в сторону Баренцева моря, добраться до них можно только вертолетом от Заозерска, а до Большой земли оттуда летают самолетами до Североморска. Клык таких названий городов и поселков никогда не слышал, но понял одно – «очкарик» с ним поступил жестоко: Клыка не стали убивать, а забросили к «черту на кулички», где его ожидает медленная, мучительная смерть от одиночества, холода и зверья.

Первое время он находился в каком-то оцепенении: не знал, что делать, как быть? Оленевод не обращал на него внимания – живет человек, не мешает, ну и пусть живет! Как узнал позже Клык, его звали Иваном, по национальности он был – лопарь, до девяностых годов работал зоотехником в оленеводческом колхозе, а позже, когда колхоз развалили, выкупил из общего стада пятьдесят оленей и с ними путешествует по тундре, работает один; маршрут его передвижения всегда постоянный от Нижнего стойбища до Верхнего стойбища. Сейчас в Полярную ночь, они находятся в Нижнем стойбище, где снежный покров небольшой и оленям легче добывать пищу; от сильных ветров и морозов их спасает низина, вокруг которой находятся лесные массивы из тощих небольших корявых деревьев.

Клык, не теряя надежды на свое освобождение, поинтересовался у Ивана, как можно добраться до пограничников, на что тот только махнул рукой и сказал:

- Забудь про это! Вот когда наступит «Полярный день» и мы доберемся до Верхнего стойбища, там в ста километрах находится поселок, откуда можно вертолетом долететь до ближайшего аэродрома, но летчики просят большие деньги за дорогу. - А сколько ты их имеешь сейчас?

Клык обшарил все карманы и собрал всего пятьдесят рублей. Иван посмотрел на его капитал и грустно усмехнулся:

- Этих денег тебе хватит только на банку консервов. Я тебе могу посоветовать одно – помогай мне в работе, а я попозже помогу тебе выбраться на Большую землю. Мне нужен помощник: надо от волков оберегать оленей, лечить их, подкармливать, перегонять с одного места на другое. Раньше мне помогала жена, а последние два года она со мной не работает, а живет в поселке и воспитывает наших детей, у меня их трое. Правда, в прошлом году мне подкинули на вертолете, такого как ты «бедолагу», но он и месяца не прожил со мной – повесился! Север его сгубил! Тяжело здесь с непривычки! А как привыкнешь хорошо, тихо, спокойно, еды много – оленья мясо, птица, всякая травка, ягоды, грибы. Вот только плохо, что волки прохода не дают, с каждым годом их становится больше, если не доглядишь, то все стадо вырежут. Собаки, конечно, помогают, отпугивают, но голодный, злой волк и собаку может загрызть, только пулей из ружья можно его успокоить, очень лютый и сильный зверь.

Клык слушал оленевода и думал, что этот человек прав – без его помощи из этой перелетки одному не выбраться! Поэтому, он сразу сказал Ивану:

- Ты здесь главный! – Командуй! Я буду делать все, что ты говоришь. Моя свобода в твоих руках!

Начались для Клыка тяжелые времена выживания. Размер его жизненной площади катастрофически сузился от всего прошлого мира до восьми квадратных метров замкнутого пространства оленеводческого жилья. Наружу выйти одному было страшно и практически для него невозможно: страшный северный холод, долгая Полярная ночь, мертвенная тишина, где кроме далекого завывания волков, да лая собак у жилья – других звуков не услышишь.

А что такое Полярная ночь? – Солнце шесть месяцев не появляется на небе, в спокойную погоду – темнота перемешивается с серой тенью земли, а в бурю – черная мгла поглотит любого, кто осмелится выйти наружу из жилого пространства. Северные собаки, и те, в плохую погоду предпочитают зарываться в снег у стенок жилья, олени сбиваются в плотную кучу, где-нибудь в глубинах перелеска и пережидают там ненастье. Волки - их заклятые враги, в это время не появляются, а ждут изменения погоды в лучшую сторону. Ивану и Клыку, если нужно было выйти за хворостом или по другой нужде, приходилось у входа вывешивать фонарь и ориентироваться на его свет.

Работы оленеводу и Клыку в спокойную погоду хватало: Иван отгонял голодных волков от стада или с помощником в ближайшем леске заготавливал дрова, потом они перетаскивали их к чуму. Питание их было достаточно однообразным – это, прежде всего, оленья мясо, которое употребляли как в вареном виде, так и замороженном. Варили они и похлебки из всяких концентратов и трав. Эти растения или были заготовлены в летнее время, или Иван собирал их со своей «грядки». Он поднимал деревянный настил пола, а там, на земле, зеленели живые травы. Иван заставлял Клыка пить теплую кровь оленей, при этом всегда говорил: «Не хочешь заболеть цингой – пей живую кровь! Она источник твоей жизни!» И Клык – пил! Сначала с неохотой, а потом – привык! Добывали ее очень просто: Иван шел к оленям, высматривал среди них слабых или покалеченных, вылавливал и на веревке приводил к жилью. Вызывал Клыка, который за рога заваливал оленя на снег и придавливал своим телом его голову. На Севере ни одна капля этой живой жидкости не пропадала, если кровь попадала на снег, то это был подарок для собак! Все мясо оленя Иван аккуратно срезал с костей, основную часть замораживал

на будущее, а небольшие куски ел сразу, без всякой кулинарной обработки. Клык тоже пытался попробовать сырого мяса, но у него не было таких крепких зубов как у оленевода, ему приходилось, есть только вареную пищу. Шкуры оленей и убитых волков Иван тщательно выскбливал от мяса и жира, а потом «дедовским» способом обрабатывал. Вся обработка заключалась в том, что он своими зубами перетирал подсохшие шкуры до тех пор, пока они не приобретали определенную мягкость для пошива изделий. Шил он тоже сам, чем и коротал однообразие северной жизни! Он и Клыка приучил к этому портняжному искусству. Так что жизнь Клыка потекла в новом русле: про спиртное он забыл, а жил жизнью простого оленевода. Поначалу это было тяжело, но вскоре привык к такому необычному время проведению, и ему даже стало нравиться.

Однажды Иван заговорил с Клыком о его прошлой жизни, о том, почему у него нет настоящего имени, а он себя называет какой-то звериной кличкой – «Клык». Тот немного смутился, а потом рассказал, что с раннего возраста его все называли не по имени, а по кличке, потому что у него была фамилия Клыков, всю свою молодость он провел среди уличной шпаны, где имен не было, а все друг друга звали только по кличкам. Когда вырос – кличка осталась с ним! По паспорту его звали Олегом Семеновичем, но такого обращения к себе, он практически не слышал, только иногда в милиции незнающие его милиционеры обращались к нему так.

- А теперь и документы у меня все потеряны, так что «Клыком» мне придется оставаться до самой смерти! - закончил он свой печальный рассказ.

- Ничего страшного, все исправимо! Будем в поселке, там выправим все твои документы, и снова будешь Олегом Семеновичем!

Время текло и медленно, и быстро, ночные сумерки постепенно стали переходить в серый туман, который вскоре стал слабеть и край солнца засверкал далеко на горизонте. Природа стала оживать, солнечные лучи, холодные и пронзительные, оживили снежную тундру. В оленьем стаде тоже произошли изменения: животные, которые в ночную пору вели сонную жизнь - преобразились, в их глазах появился весенний блеск, самки стали больше телиться, стадо пополнялось молодняком. Самцы вспомнили о своем мужском достоинстве, в них появился боевой дух. Волки тоже оживились, все чаще стали наведываться к оленьему тауну и если бы не Иван со своей винтовкой и собаками, то можно уверенно сказать, что стадо было бы уничтожено серыми хищниками. Ивану и Олегу (бывшему Клыку), приходилось часто защищать оленей от волков. Они делали засады, выставляли больного оленя за стадом и ждали прихода хищников, когда те стаяй собирались и набрасывались на животное, охотники в упор расстреливали серых ворюг.

Олег запомнил, как после одной такой охоты, они с Иваном подошли ближе к раненым и убитым волкам, где перед ними развернулась страшная картина смерти: огромный волк в предсмертной судороге, еще пытался кровавой пастью захватить кусок живого мяса разодранного оленя. У него уже не было сил проглотить пищу, но инстинкт и ненасытность заставляли хватать куски.

«Все как у некоторых людей: умираю – не могу, но все равно под себя все скребу!» - с удивлением и скорбью думал Олег.

После нескольких таких удачных охот количество волчьих нападений резко уменьшилось, хищники боялись близко подходить к стаду Ивана и переключились на преследование диких оленей.

Иван с Олегом стали готовиться к переходу на Верхнее стойбище: ремонтировали снаряжение, тренировали сильных оленей для санного перехода. Иван очень сожалел, что им никак не удастся поспеть к празднику «встречи весны и лета», который устраивают северные народы при появлении солнца. Там собирается много оленеводов, они посещают свои святыне места, приносят подарки умершим родственникам. Подарки представляют собой кусочки ярких мате-

рий, мелкие красивые вещицы – все это развешивают на ветвях деревьев в определенных местах.

- Не плохо бы посмотреть такое святое место! Я по телевизору видел, как проходят ваши праздники, танцы шаманов и приношение подарков умершим! - сказал Олег Ивану.

Тот почесал подбородок, задумался и медленно, подбирая слова, произнес:

- Да, не плохо бы посетить такое место! Мы будем проезжать через пару дней гористую местность, там, в стороне от нашего пути, раньше жил один шаман. К нему часто приезжали с Большой Земли толи родственники, а может знакомые! Как не заедешь к нему, у него всегда гости. Жил он странно: вместо нашего обычного жилья из шкур, брезента, шестов у него рубленый дом из толстых бревен. А такие бревна можно сюда доставить только большим вертолетом. Это очень дорого! Где он брал деньги – не известно! Говорили, что он мог простые камни превращать в золото!

- На Севере есть золотишко! Он, наверное, нашел такую жилу и потихоньку добывал его! - усмехнулся Олег.

- Да, не все так просто! Сюда приезжали несколько раз геологи - все обшарили, летом и копали, и взрывали – ничего не нашли! А этот шаман, очень старый человек, всегда в поселковый магазин приносил золотые изделия: колечки, браслетики, цепочки. Лет пять назад он умер, говорили, что ему было больше ста лет. Появился он в этих краях в тридцатых годах прошлого века: одни говорили, что он бежал с каторги, другие, что сам приехал, как путешественник. Его приютил один из оленеводов, который был из рода шаманов. Вот и он со временем стал шаманом! Жил всегда на одном месте, вдали от людей. Местность эта гористая в летнее время туда тяжело попасть, речки и болотца преграждают все пути. Только в зимнее время к нему можно проехать. За домом шамана начинаются холмы, небольшие горы, поросшие низкорослыми деревьями и кустарником, растительность такая густая, что пройти через нее невозможно. Пройдешь через эти заграждения три-четыре метра, и твоя одежда превращается в лохмотья. Холод сковывает тело и приходится возвращаться! Ни я один пытался пройти в этот дикий лес, многие оленеводы делали такие попытки, некоторые даже погибали! Это место всегда считалось «святым», поэтому все, кто там, оказывается, приносят Духам Севера свои приношения, все ближайšie к дому деревца покрыты цветными лоскутами и прочими подарками. Еще интересно то, что после отъезда людей, все приношения исчезают. Я сам вешал подарки на деревьях, а стоило мне вернуться через два дня, моих вещей на ветвях уже не было! Мы, оленеводы, когда появляемся здесь, всегда прибираемся в доме, ремонтируем испорченные предметы, чистим территорию. Еще интересный факт – волков и других хищников в этой местности нет, ни разу у меня здесь не пропал не один олень! Место обладает удивительным свойством, приходишь сюда больным, усталым, а через три дня уезжаешь отсюда здоровым, сильным. С оленями происходит тоже самое, они здесь набираются сил! Но находиться у дома можно не больше трех дней, если задержишься хотя бы на сутки, то почувствуешь, как силы начинают тебя покидать! Вот такое это странное место!

Олегу очень захотелось взглянуть и на этот дом, и на всю удивительную природу края, почувствовать на себе действие священного места.

Глава 2

Вскоре они покинули насиженные места и двинулись в сторону верхней стоянки. Дорога, если ее так можно назвать, представляла собой заледенелый наст, под которым могла находиться льдистая земля или подмерзшие промоины речек и небольших озер. Иван, как опытный лоцман, вел свой олений караван весьма искусно, редко ему приходилось вытаскивать из полыньи какое-нибудь животное. Через трое суток изнурительного пути они подошли к дому шамана. Между небольших гор, густо поросших низкорослыми деревьями и колючим кустарником, располагался большой красивый деревенский дом, стоящий на врезанных в мерзлую землю железобетонных блоках. Такие дома Олег видел в деревнях, сзади была большая пристройка.

- Странно! Зачем шаману такой длинный сарай? Что он там держал? – коров? - удивленно спросил Олег Ивана.

- Не знаю, туда никого не пускали! Шаман говорил, что там он священнодействует и для всех это была запретная зона. Даже после его смерти, никто не решается туда заглядывать - бояться! - смущенно ответил тот.

Устроив оленей и собак недалеко от дома, Иван повел знакомить приятеля с новым жильем. Они поднялись на высокое резное крыльцо, дверь была закрыта на врезной замок. Иван пошарил рукой под крышей крыльца и достал ключ. Когда они вошли в помещение, Олега поразила чистота и порядок, который соблюдался в комнатах. Обстановка была обычная: в центре располагалась небольшая кирпичная печка, от печки к входу была устроена перегородка, разделявшая помещение на две комнаты. Одна - поменьше, играла роль кухни-столовой, половину ее пространства занимала русская печь с лежанкой. В другой комнате стоял длинный стол, около стен удобно расположились широкие лавки, никаких стульев, шкафов – не было; одежду вешали на вбитые в стену гвозди; несколько полок в углу служили для хранения белья. Керосиновые лампы и свечи применялись для освещения, но сейчас они были не нужны, солнце ярко светило в окна.

В доме шамана Иван с Олегом пробыли два дня. За это время они хорошо отдохнули, олени, измученные тяжелым переходом, набрались сил и выглядели посвежевшими, раны на их ногах затянулись. Пищи для них было предостаточно, серые хищники – волки их не беспокоили, здесь этих разбойников просто не было. Пока Иван занимался ремонтом саней, Олег вычистил весь дом, заготовил дрова и хворост, не удержался от любопытства и заглянул в заднюю пристройку-сарай: в полумраке он увидел висящие на стенах атрибуты шаманского искусства – маски, костюмы. Ему захотелось войти в запретное помещение, но какая-то сила вытолкнула его в сторону комнаты, дверь захлопнулась. Олег испугался, непонятно было, что с ним произошло? Скоро пришел Иван и сразу спросил:

- Что не удержался? Захотел посмотреть, что в пристройке? А тебя выгнали! Я тебя предупреждал, что в запретные места заходить опасно.

- Откуда ты узнал о происшествии? – удивился Олег.

- Ты весь взъерошенный и глаза испуганные! Предупреждаю, не ходи туда! Рискованное занятие! Я однажды тоже проявил любопытство, заглянул в эту пристройку, меня выкинула какая-то сила, а потом долго голова и все тело болели.

Еще три дня оленеводы добирались до верхней стоянки, в дороге особых происшествий не произошло. Новая стоянка представляла собой гористую местность с удобными низинами, скрытыми от сильных ветров. Пищи оленям было предостаточно, и они спокойно кормились рядом с лагерем. Иван, как только устроил новый лагерь, сразу уехал к семье в поселок. Это километров двести, но он их «пролетел» за одни сутки. Так мужик истосковался по семье и женской ласке.

Олег занимался своим обычным делом: следил за оленями, кормил собак, ходил на рыбалку. Озер и речек было множество; проедет на нартах какой-нибудь километр и перед ним река или озеро. А какая рыба ловилась! Это не плотва или окунь, которых он в детстве приносил с рыбалки. Закинет блесну, всего одна «проводка», а вытаскивает «красавца» килограмма на два. Да, Север имеет свои прелести! Правда, не очень приятно сидеть в чуме в темное время года, слушать завывание ветра и вой волков, но летний период перекрывает все неприятные ощущения. Об охоте на птицу и говорить не приходится! На озерах нет свободной воды, все заполнено водоплавающими птицами, подходи, стреляй и собирай битых гусей и уток.

Целую неделю Олег наслаждался охотой и рыбной ловлей; одно его только расстраивало – это укусы мошкеры, сколько этих «кровососов» собирается около живого тела – тьма! Главное, лезут во все прорехи в одежде! Но эти мучения его одолевали только первое время, потом привык к их присутствию и не обращал на них особого внимания – москитная сетка, дым костра спасали отчасти. Иван приехал с женой и ее сестрой. Женщины не отличались особой красотой, но пожив около них пару дней, Олег оценил их миловидность и внутреннее спокойствие, неторопливость в движениях, чистоплотность, улыбочивость и большую работоспособность. Вроде бы, маленькие, хрупкие, а всегда в работе! Олег ложится спать – они еще что-то делают у костра, Олег просыпается – они снова за работой! Когда женщины отдыхают – загадка!

Иван предложил ему съездить в поселок, чтобы там в сельсовете, попробовать оформить паспорт. На вопрос, кто останется с оленями, он кивнул в сторону женщин и сказал: «Они нас могут заменить! Женщина на Севере – это и хозяйка, и охотник, и мать для детей, и еще многое другое!...»

Олег, уже привыкший к жизни на Севере, и почувствовавший ее особую прелесть, как-то с испугом отнесся к этому оформлению документов, а значит к скорому возврату в свой город, где его ждал грязный подвал и горячая труба, вместо кровати. Он с некоторой неуверенностью предложил Ивану повременить с отъездом, сославшись на недомогание. Иван с этим согласился и что-то сказал женщинам; те быстро нарезали кору и мох, положили в котелок с горячей водой. Через час Иван предложил Олегу выпить содержимое чугунок малыми глотками. И так продолжалось три дня! Олег поблагодарил за такое оперативное лечение, но признался Ивану, что ему не хочется возвращаться к себе в город, он привык к северной жизни и не против здесь остаться. Этим словам Иван не удивился, а напротив, обрадовался, заметив, что тот был неплохим помощником и от его помощи он и в будущем не откажется, но в поселок Олегу надо непременно съездить, поговорить насчет документов, познакомиться с начальством, прикупить в магазине нужный товар, помочь ему перегнать оленей на продажу.

В поселке работает мясокомбинат, куда оленеводы продают оленей, на полученные деньги покупают мясные консервы и другой нужный товар. Поселок, куда они приехали, был основан в двадцатых годах двадцатого столетия. Новое государство строилось, ему нужно было много всякого материала: железа, никеля, олова, меди. А это все было на Севере! Вот сюда и погнали так называемых «врагов народа», пятую часть всего населения России сгноили здесь новые правители государства. Лагеря строили по берегам крупных северных рек у месторождений природных ископаемых. В летнюю пору в эти лагеря по реке на баржах привозили тысячи людей, а назад отвозили руду, лес, мясо, пушнину. А люди почти все погибали в течении года от холода, болезней, тяжелого труда.

Поселки возникали около лагерей, в них жили охранники, вольнонаемные работники, геологи, местные жители. Этот поселок тоже находился рядом с лагерем, за которым был рудник. Только сейчас лагерь закрыли, а на его месте организовали Акционерное Общество, которое приглашало рабочих с «большой земли» и те работали за определенные деньги. Для них в поселке были построены магазины, кафе, ресторан.

Сначала Иван с Олегом пригнали десяток оленей к воротам мясокомбината. Олени не проявляли никакого беспокойства, они табуном стояли у железных ворот и спокойно смотрели на своих собратьев за оградой. А тех, по одному, люди в кожаных фартуках отводили в сарай, откуда оленей, превратившихся в груды мяса, перевозили на телегах в другое помещение, где делали разную мясную продукцию.

Олег потрепал по холке крупного оленя со сломанным рогом и печально сказал: «Вот, брат, и закончилась твоя земная жизнь! Сколько лет ты боролся с невзгодами: добывал пищу, дрался за самку, защищался от волков! А ради чего! Чтобы сегодня стать консервами! Печальная участь – жить рядом с человеком!» Олень лизнул рукав его куртки и повернул голову в сторону своих приятелей.

Иван привел какого-то хмурого мужика, видимо ветеринара; тот с недовольным видом осмотрел весь живой товар, потом поставил на бумагах свою печать и подпись. Через час Иван с Олегом получили в кассе деньги за сданных оленей и поехали покупать нужный товар по магазинам, которые были похожи на простые бревенчатые сараи, там не было витрин и полок. На деревянном полу находились мешки и ящики, список товара был вывешен на стене у входа. Прикупив все нужное для жизни в стойбище, друзья зашли в кафе. Продавщица – высокая, красивая женщина с некоторым интересом посмотрела на Олега, который тоже обратил на нее внимание.

«Надо же, такая красавица и в таком забытом поселке!» - подумал он.

- Кто эта женщина? – обратился он к Ивану.

- Лет двадцать назад ее мужа после окончания военного училища направили служить на Север, он работал в лагере начальником продовольственной службы, жить ему здесь понравилась, хорошо платили, большой отпуск, вот он в этих местах и обосновался. Привез сюда жену с Украины, устроил ее сначала продавщицей в лагерьный магазин, потом сделал заведующей, а в годы «перестройки» они это заведение оформили в собственность. Позже приобрели кафе, ресторан и часть рудника. У них двое детей, учатся в Москве. В последние годы ее муж тяжело болел, что-то с почками. В прошлом году поехал в Германию делать операцию, где и умер в больнице. После его смерти, Оксана, так ее зовут, решила устроить свой бизнес на Украине, но там потеряла почти все деньги, и ей пришлось вернуться на Север. Сейчас она владеет только этим кафе. Видимо, такая жизнь ее устраивает, и она не собирается отсюда уезжать.

Олегу очень понравилась эта украинка, и он попросил Ивана, чтобы тот познакомил их. Приятель представил его как своего друга-бизнесмена, который приехал на Север, где хочет организовать свое дело по продаже оленьего мяса и разработке полезных ископаемых. Женщина с большой охотой под села к столику приятелей и проболтала с ними около часа, рассказывая обо всех новостях в поселке. Иван, несколько раз, оставлял их, уходил по своим делам. Народа в кафе не было, так что им никто не мешал приятно провести время за разговорами.

Наконец, Иван вспомнил про Сельсовет, где надо узнать о получении паспорта, приятели прервали приятный разговор и заторопились к выходу. В Сельсовете никого не было, кроме сторожа, который предложил им прийти завтра пораньше.

Друзья пошли к дому Ивана, который находился на другом конце поселка. Поселок был устроен на высоком берегу северной реки, все строения располагались вдоль его, никаких огородов жители не устраивали. Правда, около некоторых домов виднелись парники. Позже, Олег узнал, что на открытом грунте никаких овощей не выращивают из-за промерзшей земли, а в парниках под пленкой, да, еще с подогревом, можно вырастить и капусту, и картофель, и многое другое. Северным жителям, которые не хотят заниматься сельским хозяйством, природа сделала щедрый подарок: в тундре с мая по октябрь произрастают около пятидесяти видов грибов, ягоды – черника, морошка, брусника; полезные травы и сто видов лишайников. Не ленись – собирай, суши, консервируй! И будешь сыт всю долгую полярную ночь. Мяса и рыбы тоже хватает, если ты охотник, то сможешь добыть оленей, зайцев, гусей, уток, лебедей, мор-

жей, если занимаешься рыбной ловлей – то множество рек и речек просто кишат разной рыбой. Так, что все зависит только от человека!

Скоро приятели подошли к дому Ивана. Это была бревенчатая постройка, размером четыре на четыре метра, не высокая с покатой крышей, за домом виднелась пристройка, видимо, летнее жилище или помещение для хозяйственных нужд. Внутри дома в центре, располагалась железная печь, она и согревала все помещение; вместо кроватей вдоль стены стояли широкие лавки на них можно спать, сидеть, заниматься всякой работой, под лавками хранили вещи, шкафов не было, одежду можно вешать на вешалки, устроенные на стенах. За небольшим столом приятно провести время, два окна освещали жилище, в темное время их заменяла керосиновая лампа. Телевизора в доме не было, зато мощный транзисторный приемник не давал скучать жителям. А их было трое: пожилая женщина - мать Ивана и двое детишек.

Полужинав наваристым супом, выпив крепкого чая с настоем трав, немного поговорили о всяких пустяках и улеглись по лавкам спать. Олег долго не мог заснуть: мысли об Оксане отгоняли все сновидения. Да, еще духота... мошकारа противно жужжала рядом.

В семь часов утра они были уже на ногах, быстро позавтракав овсяной кашей с компотом, приятели направились в сторону Сельсовета. Там их встретил сам председатель – пожилой толстый мужчина. Он внимательно выслушал просьбу Олега, потом велел написать заявление о восстановлении паспорта, заполнил массу всяких бумаг и сказал, что все эти документы пошлет в вышестоящие организации, которые их проверят и только после этого пришлют разрешение на выдачу документа, все это займет, примерно, два месяца.

Разделавшись с писаниной в Сельсовете, Олег пошел в кафе к Оксане, сообщить, что он уедет завтра в верхнее стойбище, и спросить ее разрешение приехать через месяц. Оксана довольно серьезно отнеслась к просьбе, спросив о его дальнейших планах в их отношениях. Олег покраснел и тихо сказал:

- Хочу взять тебя в жены!

- Мне тяжело сейчас об этом говорить. У меня недавно умер муж, с которым я прожила больше двадцати лет. Давай повременим, посмотрим, что будет через месяц – два! А потом решим, как нам поступить! – серьезно ответила Оксана.

Олег согласился с этими доводами.

Иван, узнав о желании Олега жениться, рассмеялся и сказал: «У тебя губа - не дура!», Оксана «лакомый кусочек» для мужика! Красивая, здоровая с деньгами, с ней можно жить припеваючи! Не знаю, сколько у нее сейчас денег, но в ее собственности есть кафе, склад-магазин с продовольствием. Правда, она много потеряла после смерти мужа, но при ее предприимчивости, через год-два вернет потерянный капитал!»

Олег, с обидой в голосе, стал говорить, что ему наплевать на ее капиталы, ему понравилась сама женщина, а не ее благосостояние. На все его доводы о большом значении любви в семейной жизни, Иван только улыбался и пожимал плечами. В его понятии, жена – это вторая пара рабочих рук, она должна быть здоровой, работающей, а если еще и богатая – тогда и красоты от нее не требуется, любить он ее и так будет! Главное – помощник, на которого можно опереться в трудную минуту.

Прикупив недостающего провианта, друзья на другой день, уехали в свое стойбище. За время их отсутствия ничего необычного не произошло, волки не тревожили оленей и женщины занимались сбором ягод, грибов, заготавливали их на зиму.

Мужчины занялись охотой и рыбной ловлей. Кроме карабина у Ивана имелось еще и охотничье ружье, с ним приятели ходили стрелять водоплавающую птицу. Доставать подбитых уток и гусей из воды приходилось при помощи резиновой лодки, северные собаки были не приучены для такого деликатного дела, они жили по правилу: что попало им в пасть – это принадлежит только им!

За охотой и рыболовством время для Олега и Ивана пролетало быстро. Два раза друзья ездили в поселок, где Олег выправил свой паспорт и для местных жителей стал считаться женихом Оксаны, не скрывающей своего желания создать новую семью.

Оленье стадо, пополнившееся окрепшим молодняком, насчитывало более шестидесяти оленей, из которых десять принадлежали Олегу. Разделять животных не имело смысла: они вместе паслись, их охраняли и лечили хозяева одинаково. Различали оленей по алюминиевым биркам, закрепленным на ушах.

В октябре холода сковали льдом речки и озера, Иван с Олегом погнали свое стадо в нижнее стойбище, где должны были провести долгие шесть месяцев. Верхнее стойбище для зимовки не приспособлено: открытая местность на возвышенности позволяет всем ветрам беспрепятственно продувать ее, земля промерзает и покрывается льдом, который не могут пробить копытами олени, чтобы достать себе пищу. Зато в летнюю пору там можно прокормить и десять таких стад – богатое разнотравье радует всех. Вот и приходится оленеводам совершать путешествия из одного стойбища в другое. Нижнее стойбище, конечно, далеко расположено, но удобно для зимовки: пищи достаточно, снежный покров рыхлый и сопки скрывают животных от страшных ветров, единственная неприятность – волки. Этим голодным хищникам все равно кого есть: дикие олени или домашние – все едино! Отец и дед Ивана тоже делали эти сложные переходы. Пока ничего лучшего никто не придумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.